

БАЛЛАДА
О ЗМЕЯХ
И ПЕВЧИХ
ПТИЦАХ

«ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ» ВОЗВРАЩАЮТСЯ!
СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

Голодные игры

Сьюзен Коллинз

Баллада о змеях и певчих птицах

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Коллинз С.

Баллада о змеях и певчих птицах / С. Коллинз — «Издательство АСТ», 2020 — (Голодные игры)

ISBN 978-5-17-122118-8

Его подпитывает честолюбие. Его подхлестывает дух соперничества. Но цена власти слишком высока... Наступает утро Жатвы, когда стартуют Десятые Голодные игры. В Капитолии восемнадцатилетний Кориолан Сноу готовится использовать свою единственную возможность снискать славу и почет. Его некогда могущественная семья переживает трудные времена, и их последняя надежда – что Кориолан окажется хитрее, сообразительнее и обаятельнее соперников и станет наставником трибута-победителя. Но пока его шансы ничтожны, и всё складывается против него... Ему дают унижительное задание – обучать девушку-трибута из самого бедного Дистрикта-12. Теперь их судьбы сплетены неразрывно – и каждое решение, принятое Кориоланом, приведет либо к удаче, либо к поражению. Либо к триумфу, либо к катастрофе. Когда на арене начинается смертельный бой, Сноу понимает, что испытывает к обреченной девушке непозволительно теплые чувства. Скоро ему придется решать, что важнее: необходимость следовать правилам или желание выжить любой ценой?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122118-8

© Коллинз С., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть I. Ментор	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сьюзен Коллинз

Баллада о змеях и певчих птицах

Suzanne Collins
Ballad of Songbirds and Snakes

© Suzanne Collins, 2020
Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Посвящается Нортону и Джин Джастер

Совершенно очевидно, что без единой власти, способной держать людей в страхе, они пребывают в состоянии, которое зовется войной, а именно в состоянии войны всех против всех.

Томас Гоббс, «Левиафан», 1651 г.

Естественное состояние есть закон природы, который гласит: все люди свободны и равны, и никто не вправе распоряжаться ни жизнью, ни свободой, ни имуществом другого человека.

Джон Локк, «Два трактата о правлении», 1689 г.

Человек рождается свободным, а между тем всю жизнь он в оковах.

Жан-Жак Руссо, «Об общественном договоре», 1762 г.

*Сладость знания сродни экстазу;
И наш настырный разум,
Стремясь прелестные творения познать,
Готов и убивать их, и кромсать.*

Уильям Вордсворт, «На попятную», «Лирические баллады», 1798 г.

Я думал о добродетелях, которые он выказывал в начале своего существования, и о том, как все добрые чувства в нем угасли благодаря отвращению и презрению со стороны его покровителей.

Мэри Шелли, «Франкенштейн», 1818 г.

Часть I. Ментор

Глава 1

Кориолан опустил пригоршню капусты в кастрюлю с кипящей водой и поклялся, что в один прекрасный день в рот не возьмет эту гадость. Увы, пока надо терпеть. Чтобы во время церемонии Жатвы в животе не урчало от голода, придется съесть большую миску бледной бурды и выпить всю жижу до капли. Очередная мера из длинного списка ухищрений, с помощью которых он пытался скрыть, что семья Сноу, несмотря на проживание в пентхаусе одного из самых роскошных домов Капитолия, совсем обнищала. В свои восемнадцать лет наследник некогда великого дома был беден, как оборванец из дистрикта, и перебивался с хлеба на воду.

Его беспокоила рубашка, которую он собирался надеть на церемонию Жатвы. Строгие темные брюки, купленные на черном рынке в прошлом году, еще вполне годились, но люди смотрят в первую очередь на рубашку. К счастью, для повседневных нужд Академия предоставляла ученикам форму, однако на сегодняшнюю церемонию им велели одеться нарядно и в то же время торжественно. Тигрис обещала что-нибудь придумать, и Кориолан ей верил. Кузина искусно обращалась с иглой и ниткой и до недавнего времени неизменно его выручала. Впрочем, на этот раз ждать чуда не приходилось.

Отцовская рубашка из недр шкафа вся была в пятнах, за давностью лет пожелтела и лишилась половины пуговиц, к тому же один манжет прожгли сигаретой. Такую не продашь и тем более не наденешь на церемонию. На рассвете Кориолан зашел в комнату кузины и не обнаружил ни ее, ни рубашки. Это не к добру. Неужели Тигрис отказалась от мысли привести рубашку в порядок и помчалась на черный рынок за подходящей обновкой? Ведь расплатиться ей совершенно нечем! Точнее, нечем, кроме себя самой, а Сноу пока еще не пали столь низко. Или уже пали, пока Кориолан сидит сиднем и варит свою капусту?

Кориолан представил, как идет торг. Красотой Тигрис не отличалась – сама тощая, нос длинный, с заостренным кончиком, – зато ей присуща некая свежесть и ранимость, которые располагают к насилию. Если девушка решит продать себя, то покупатель непременно найдется. При мысли об этом Кориолана замутило, он ощутил беспомощность и отвращение к самому себе.

Из глубины апартаментов зазвучал гимн Капитолия, «Алмаз Панема». Мадам-Бабушка выводила слова дрожащим сопрано, и голос разносился гулким эхом.

Алмаз Панема,
Город великий,
Ты блистаешь на все времена.

Как всегда, старуха отчаянно фальшивила и не успевала за музыкой. В первый год войны она включала запись в дни государственных праздников, чтобы развивать у пятилетнего Кориолана и восьмилетней Тигрис патриотические чувства. Ежедневное исполнение гимна началось с того черного дня, когда мятежные дистрикты осадили Капитолий, перекрыв снабжение на два последних года войны. «Помните, – твердила она детям, – наш город осажден, но мы не сдались!» Бомбы сыпались с неба дождем, а Мадам-Бабушка, распахнув окно, во все горло распевала гимн. На свой лад она тоже боролась с повстанцами.

Смирено встаем
Пред тобой на колени...

Некоторые ноты ей взять не удавалось...

И клянемся в любви навсегда!

Кориолан поморщился. Уже десять лет как мятеж подавлен, а Мадам-Бабушка никак не успокоится. Оставалось целых два куплета.

Алмаз Панема,
Ты Фемиды оплот,
Мудрость мраморный лоб твой венчает.

Кориолан задумался, приглушила бы звуки мебель, останься ее больше. Впрочем, вопрос был чисто теоретический. Пентхаус, израненный шрамами безжалостных атак, напоминал Капитолий в миниатюре. По высоким стенам змеились трещины, лепной потолок щерился дырами, уродливые черные полосы изоленты скрепляли разбитые стекла в арочных окнах, из которых открывался вид на столицу. За годы войны и десятилетие после нее семейству Сноу пришлось продать или обменять на еду большую часть своего имущества, в результате чего многие комнаты совершенно опустели и стояли запертыми. Хуже того, в последнюю зиму осады грянули страшные холода, и на растопку пошла не только изящная резная мебель, но и огромная библиотека. Кориолан со слезами на глазах наблюдал, как превращаются в пепел книжки с яркими картинками, те самые, над которыми он склонялся когда-то вместе с матерью. Впрочем, лучше быть грустным, чем мертвым.

Кориолану приходилось бывать в гостях у друзей, и он знал, что большинство семей уже приводят свои дома в порядок, однако Сноу не могли себе позволить даже пару ярдов льна на новую рубашку. Он думал об одноклассниках, роющихся в битком набитых шкафах или надевающих пошитые у портного новые костюмы, и гадал, сколько еще удастся сохранять видимость благополучия.

Пресёк ты бесчинства
И дал нам единство.
Тебе на верность мы все присягаем.

Что делать, если Тигрис не удастся привести рубашку в порядок? Симулировать грипп и сказать, что болен? Сочтут слюнтяем. Явиться в школьной рубашке? Сочтут нахалом. С трудом втиснуться в старую красную рубашку, из которой он уже пару лет как вырос? Сочтут нищепородом. Какой вариант выбрать? Ни один не годится.

Наверное, Тигрис отправилась за помощью к своей наставнице, Фабриции Дребедень – женщине столь же нелепой, как и ее имя, зато весьма искусной в подражании модным тенденциям. Ее не смущало ни сочетание перьев с кожей, ни пластмассы с плюшем, и она всегда умудрялась совмещать их в нужных пропорциях. В школе Тигрис училась посредственно, поэтому поступать в Университет не стала и после окончания Академии решила осуществить свою давнюю мечту и податься в дизайнеры. Предполагалось, что ее берут на должность подмастерья, но Фабриция скорее использовала ее как рабыню: заставляла делать массаж ног и прочищать стоки, забитые клочками ее длинных пурпурных волос. Впрочем, Тигрис так радовалась причастности к миру моды и была так благодарна Фабриции, что никогда не жаловалась и не желала слышать в адрес своей патронессы ни малейшей критики.

Алмаз Панема,
Средоточие власти,

Радетель наш в мире, щит в годину войны.

Кориолан открыл холодильник в поисках того, чем закусить отварную капусту. На полке сиротливо грустила одинокая кастрюлька. Сняв крышку, Кориолан обнаружил застывшую кашу из нарезанного сырого картофеля. Неужели Мадам-Бабушка наконец претворила свою угрозу в жизнь и учится готовить? Это вообще съедобно? Он прикрыл месиво крышкой, не намереваясь рисковать без нужды. Эх, с каким бы наслаждением он вытряхнул это в мусор! Да уж, мусор стал роскошью. Кориолан вроде бы помнил, как совсем маленьким он наблюдал за вывозом мусора. На специальных грузовиках работали безгласые (рабочий без языка – лучший рабочий, утверждала Мадам-Бабушка), которые гудели себе под нос, собирая большие пакеты с выброшенными продуктами, бутылками и всяким старьем из домашнего обихода. Потом наступили Темные Времена, и люди выбрасывать перестали, цепляясь за каждую калорию, за любую вещь, которую можно продать или обменять, сжечь для обогрева или заткнуть ею щели для утепления. Жители Капитолия научились хозяйственности. Впрочем, постепенно нужда военных лет сошла на нет, и мода на расточительство вернулась. Как и на приличные рубашки...

Твердой рукой
Защити нашу землю...

Рубашка! Рубашка. Кориолан имел привычку заикливаться на проблеме и долго ее обдумывать. Словно возможность контролировать какой-нибудь мелкий элемент своего мирка уберегала его от полного краха. Плохая привычка, из-за нее он не замечал других вещей, куда более значительных и опасных. Склонность к навязчивым идеям гнездилась у него в мозгу и вполне могла закончиться плачевно, если не удастся ее преодолеть.

Писклявый бабушкин голос провизжал финальное крещендо.

О Капитолий, ты – наша жизнь!

Сумасшедшая старуха навеки застряла в предвоенной поре. Кориолан ее любил, но Мадам-Бабушка давно утратила всякую связь с реальностью. За столом она без умолку трещала о величии дома Сноу, даже если на обед у них были лежалые крекеры и водянистый фасолевый суп. Послушать ее, так внука непременно ждало великое будущее. «Вот когда Кориолан станет президентом...», – часто говаривала она. Якобы при нем мигом все наладится – от изрядно потрепанных в боях военно-воздушных сил до непомерных цен на свиные отбивные. К счастью, сломанный лифт и старческий артрит прогулкам не способствовали, а бабушкины редкие гости были такими же доисторическими ископаемыми, как и она сама.

Капуста начала закипать, наполняя кухню запахом нищеты. Кориолан помешал варево деревянной ложкой. Тигрис все не шла. Скоро будет слишком поздно звонить в Академию с отговорками. Все соберутся в Хевенсби-холле, актовом зале Академии. Сатирия Клик, преподаватель Агитации и пропаганды, здорово разозлится и вдобавок расстроится, ведь это благодаря ей Кориолан стал одним из двадцати четырех менторов в Голодных играх. Он был не просто любимчиком Сатирии, а еще и ее ассистентом, и наверняка мог сегодня понадобиться. Порой Сатирия вела себя непредсказуемо, особенно когда напивалась. День Жатвы без выпивки, разумеется, не обходился никогда. Лучше позвонить ей и предупредить, что у него открылась рвота или еще что-нибудь такое и он активно лечится. Кориолан собрался с духом и поднял трубку телефона, намереваясь сослаться на страшный недуг, и вдруг ему пришла в голову другая мысль. Если он не сможет участвовать, станут ли ему искать замену? И если да, то не повлияет ли это на его шансы выиграть премию для выпускников Академии? В таком

случае на учебу в Университете можно не рассчитывать, и тогда прощай карьера, прощай будущее – и его собственное, и всей его семьи...

И тут с протяжным скрипом распахнулась искореженная и давно не смазанная парадная дверь.

– Корио! – окликнула Тигрис.

Кориолан швырнул трубку на рычаг. Детское прозвище, придуманное ею в младенчестве, пристало навсегда. Он выбежал из кухни и едва не сбил кузину с ног. На радостях она обошлась без упреков.

– Получилось! У меня получилось!

Возбужденно приплясывая на месте, Тигрис протянула ему вешалку, заботливо обернутую старым чехлом для одежды.

– Смотри, смотри, смотри!

Кориолан расстегнул чехол и вытащил рубашку.

Шикарно! Нет, даже лучше – стильно! Плотная льняная ткань не стала белой как прежде, зато и желтизна ушла, рубашка приобрела восхитительный светло-кремовый оттенок. Манжеты и воротник Тигрис сшила из черного бархата, пуговицы заменила золотыми и черными кубиками. Тессера, керамическая мозаика. В каждом кусочке виднелись крошечные дырочки для нитки.

– Ты – гений, – признал Кориолан, – и лучшая кузина на свете! – Вытянув руку с рубашкой подальше, чтобы не помять, он обнял Тигрис свободной рукой. – Сноу всегда берут верх!

– Сноу всегда берут верх! – радостно пропела Тигрис. Этот девиз помог детям выжить в годы войны, когда их род едва не исчез с лица земли.

– А теперь рассказывай! – велел Кориолан, чтобы сделать кухне приятное, ведь она обожала разговоры об одежде.

Тигрис всплеснула руками и рассмеялась.

– Даже не знаю, с чего начать!

Начала она с отбеливателя. Тигрис намекнула Фабриции, что белые шторы в ее спальне потускнели, и, замочив их в отбеливателе, сунула туда же рубашку Кориолана. Получилось просто замечательно, однако пара пятен так и не отошла. Тогда она поварила рубашку вместе с засохшими цветками календулы, которые обнаружила в соседском мусорном баке, и те придали материи нужный оттенок, замаскировав пятна. Бархат для манжет она добыла, распустив сумку-мешочек, где хранилась памятная наградная табличка их дедушки, теперь уже никому не нужная. Керамическую мозаику она отковыряла со стены в ванной комнате для горничной, а ремонтник, обслуживающий их дом, согласился просверлить в новых пуговицах дырочки в обмен на починку его комбинезона.

– И все это ты успела сегодня с утра? – удивился Кориолан.

– Нет, что ты, вчера! В воскресенье. Сегодня утром я... Кстати, ты нашел мой картофель? – Девушка сбегала на кухню, открыла холодильник и вынула кастрюлю. – Я не спала до самого утра и заодно приготовила крахмал. Потом помчалась к Дулиттлам, чтобы как следует отутюжить рубашку. А вот это мы добавим в суп!

Тигрис вытряхнула слипшуюся массу в кастрюлю с капустой и хорошенько размешала.

Кориолан заметил под золотисто-карими глазами кузины лиловые круги и почувствовал угрызения совести.

– Когда же ты спала в последний раз? – спросил он.

– Не волнуйся, все в порядке. Я поела картофельных очисток. Говорят, в них сплошные витамины. К тому же сегодня Жатва, день почти праздничный! – жизнерадостно заметила она.

– Только не у Фабриции, – вздохнул Кориолан. Да и вообще нигде, на самом деле. В дистриктах День Жатвы проходит ужасно, и в Капитолии он тоже не особо радостный. Большинство жителей не любят вспоминать войну. Тигрис проведет этот день, прислуживая своей

хозяйке и пестрой толпе гостей, пока те будут обмениваться унылыми рассказами о лишениях в годы осады и напиваться до бесчувствия. Завтра будет еще хуже – ей придется нянчиться с ними же, но похмельными.

– Хватит из-за меня переживать. Лучше садись и ешь! – Тигрис налила супа в миску и поставила на стол.

Кориолан покосился на часы, торопливо проглотил суп и умчался к себе в комнату переодеваться. Он уже успел принять душ и побриться. На его светлой коже, к счастью, не вскочило сегодня ни одного прыща. Выданное школой нижнее белье и носки были в порядке. Он натянул брюки, весьма приемлемые, и сунул ноги в кожаные ботинки на шнуровке, которые немного жали. Затем бережно накинул рубашку, заправил ее в брюки и повернулся к зеркалу. Из-за недоедания Кориолан слегка отставал в росте, как и многие его ровесники, зато телосложение имел спортивное, с отличной осанкой, и рубашка удачно подчеркивала ладную фигуру. В последний раз Кориолан наряжался в далеком детстве, когда Мадам-Бабушка водила его по улицам в лиловом бархатном костюмчике. Он пригладил светлые кудри и насмешливо прошептал своему отражению: «Приветствую тебя, Кориолан Сноу, будущий президент Панема».

Ради Тигрис он величаво прошествовал в гостиную, раскинул руки и покрутился, давая рассмотреть себя во всей красе. Кузина взвизгнула от восторга и захлопала в ладоши.

– Просто сногшибательно! Какой ты красивый и стильный! Скорее к нам, Мадам-Бабушка! – Еще одно детское прозвище, которое прижилось надолго. Маленькой Тигрис тогда казалось, что называть просто бабушкой такую величественную даму не годится.

Мадам-Бабушка вошла в гостиную, бережно держа в дрожащих ладонях только что срезанную алую розу. Длинная, струящаяся черная туника, столь модная до войны, безнадежно устарела и выглядела просто смехотворно, как и вышитые туфли с загнутыми носами, прежде бывшие частью карнавального костюма. Из-под порывевшего от времени бархатного тюбана выбивались тонкие седые пряди. Мадам-Бабушка донашивала жалкие остатки своего некогда роскошного гардероба, а что поприличнее приберегала для приема гостей или для редких выходов в город.

– Держи, мой мальчик! Приколи себе на грудь, – велела она. – Свежая, прямо из моего сада на крыше.

Кориолан потянулся к розе, и вдруг в ладонь впился шип. Из ранки брызнула кровь, и ему пришлось вытянуть руку, чтобы не запачкать драгоценную рубашку. Мадам-Бабушка растерялась.

– Я просто хотела, чтобы ты выглядел элегантно... – пробормотала она.

– Ну конечно, Мадам-Бабушка! – поддержала ее Тигрис. – Все так и будет.

Кузина повела его на кухню обработать ранку, и Кориолан напомнил себе, что самоконтроль – жизненно важный навык, и он должен быть благодарен бабушке за возможность практиковаться в нем почти каждый день.

– Колотые ранки кровоточат недолго, – заверила его Тигрис, быстро промыв и перевязав руку. Она обрезала стебель цветка и приколотла бутон к рубашке. – И в самом деле элегантно. Ты ведь знаешь, как бабушка любит свои розы. Поблагодари ее.

Так он и сделал. Кориолан поблагодарил их обеих и помчался к дверям, слетел вниз по резной лестнице на двенадцать пролетов, поспешно миновал холл и очутился на улицах Капитолия.

Парадная дверь выходила на Корсо – широкую авеню, по которой в прежние времена свободно ехали бок о бок восемь колесниц, когда Капитолий на радость толпеставлял напоказ свою военную мощь. В раннем детстве Кориолан наблюдал за парадом, высовываясь из окон апартаментов, а гости на вечеринках у Сноу хвастались, что у них места буквально в первом ряду. Потом прилетели бомбардировщики, и квартал надолго сделался непроходимым. Хотя проезжую часть наконец расчистили, на тротуарах все еще лежали груды каменных обломков,

многие здания стояли пустые и выжженные. Десять лет как победили, а Кориолану на пути в Академию приходилось протискиваться между глыбами мрамора и гранита. Иногда ему казалось, что развалины оставили специально, как напоминание о пережитых невзгодах. Людская память коротка. Чтобы ужасы войны не позабылись, людям нужно ежедневно перебираться через завалы, отовариваться по продуктовым карточкам и смотреть Голодные игры. Забвение ведет к излишней самонадеянности, и история повторяется.

Свернув на Дорогу школяров, Кориолан слегка замедлил шаг. Разумеется, опаздывать недопустимо, но лучше прийти спокойным и сдержанным, чем потным и взбудораженным. День Жатвы, как и большинство летних дней, становился все более жарким. Да и чего еще ожидать четвертого июля? Он порадовался аромату бабушкиной розы, который несколько приглушал запахи картофеля и календулы, исходившие от нагретой на солнце рубашки.

Будучи лучшей средней школой в Капитолии, Академия обучала отпрысков людей именитых, богатых и влиятельных. В каждом классе числилось более четырехсот учеников, поэтому, учитывая давние связи семьи Сноу с учебным заведением, Тигрис с Кориоланом приняли в нее без особого труда. В отличие от Университета обучение было бесплатным, вдобавок учеников кормили обедами, выдавали учебники и форму. Все стоящие люди учились в Академии, и Кориолан рассчитывал, что впоследствии школьные связи ему обязательно пригодятся.

Широкая парадная лестница свободно вмещала всех учащихся, и сейчас по ней тек нескончаемый поток официальных лиц, преподавателей и учеников, стремившихся попасть на праздник Дня Жатвы. Кориолан поднимался медленно, пытаясь выглядеть беззаботно и в то же время держаться с достоинством на случай, если попадется на глаза кому-нибудь из знакомых. Многие люди знали если не самого Кориолана, то его родителей и их родителей, поэтому приходилось соответствовать. В этом году Кориолан надеялся добиться признания и своих собственных заслуг. Менторство в Голодных играх было финальным проектом перед выпуском из Академии. Блестящая учеба и впечатляющие результаты в роли ментора наверняка обеспечат ему денежную премию, которой хватит на оплату учебы в Университете.

Для Голодных игр в двенадцати побежденных дистриктах путем жеребьевки отбирали двадцать четыре трибута, по одному юноше и одной девушке из каждого, и бросали на арену, чтобы они дрались не на жизнь, а на смерть. Все это и многое другое было прописано в «Договоре с повинными в мятеже дистриктами», который положил конец Темным Временам. Как и прежде, трибутов загоняли на Капитолийскую арену – полуразрушенный амфитеатр, где до войны проводились спортивные и развлекательные мероприятия, и давали им оружие, чтобы убивать друг друга. Жителей Капитолия призывали смотреть Игры, но многие воздерживались. Главная трудность для распорядителей Игр заключалась в том, как привлечь больше зрителей.

Именно с этой целью и решили задействовать менторов. Распорядители Игр отобрали двадцать четыре лучших и самых талантливых ученика Академии. С их обязанностями пока не определились. Ходили слухи, что трибутов как-нибудь подготовят к личным интервью, может, отмоют или нарядят, чтобы те лучше смотрелись перед камерами. Все соглашались, что если продолжать Голодные игры необходимо, то следует их существенно доработать и сделать более зрелищными, для чего и решили разбавить трибутов из дистриктов капитолийской молодежи.

Кориолан пробился ко входу, украшенному черными полотнищами, и прошел по длинному сводчатому коридору в напоминающий огромную пещеру Хевенсби-холл, где предстояло смотреть церемонию Жатвы. Он вовсе не опоздал, однако зал уже гудел от многочисленных голосов преподавателей, учеников и нескольких распорядителей Игр, чье участие в самой трансляции в тот день не требовалось.

Сквозь толпу пробирались безгласые, разнося бокалы с поской – блеклым напитком из вина с добавлением меда и трав. Это была несколько улучшенная версия кислого пойла, которое употребляли в Капитолии во время войны и которое якобы врачевало все недуги. Кориолан отпил глоток и подержал во рту, надеясь отбить капустный дух. Больше он к поске не

притронулся. Напиток отличался коварством: в прошлые годы некоторые старшеклассники чрезмерно им увлекались и выставляли себя на посмешище.

Все считали Кориолана богатым, но единственным его богатством было обаяние, которым он щедро делился, пробираясь через толпу. В ответ на его дружеские улыбки, вежливые вопросы о членах семьи и ненавязчивые комплименты лица учеников и преподавателей светлели.

– Ваша лекция о карательных мерах в отношении дистриктов произвела на меня неизгладимое впечатление!

– Отличная челка!

– Как себя чувствует мама после операции на спине? Передай ей, что она мой герой!

Кориолан прошел мимо сотен мягких кресел, которые поставили для просмотра трансляции, и поднялся на помост, где Сатирия развлекала преподавателей Академии и распорядителей Игр очередной бредовой историей. Хотя Кориолан услышал лишь последнюю реплику: «Что ж, сказала я, мне жаль твой парик, только ведь ты сама настояла на том, чтобы притащить эту обезьяну!» – он с готовностью присоединился к общему хохоту.

– О, вот и Кориолан! – воскликнула Сатирия, подзывая его жестом. – Мой лучший ученик!

Он коснулся губами ее щеки и понял, что наставница опережает его на несколько бокалов поски. В самом деле, Сатирии давно следовало взять свою дурную привычку под контроль, хотя неумеренностью грешила добрая половина его знакомых взрослых. В Капитолии бушевала настоящая эпидемия. Впрочем, веселая и не слишком чопорная Сатирия принадлежала к тем немногим учителям, которые держались с учениками на дружеской ноге. Она немного отодвинулась и оглядела его.

– Красивая рубашка. Где ты достал такую прелесть?

Кориолан посмотрел на рубашку так, словно видит ее впервые, и беззаботно пожал плечами.

– В апартаментах Сноу просторные гардеробы, – небрежно заметил он. – Мне хотелось выглядеть торжественно и в то же время стильно.

– У тебя получилось! А из чего эти бесподобные пуговицы? – спросила Сатирия, ощупывая кубики на манжете. – Тессера?

– Неужели? Хм, тогда понятно, почему они напоминают мне ванную комнату нашей горничной, – ответил Кориолан, заставив друзей хихикнуть. С помощью самоиронии и шутки про рубашку он изо всех сил старался сохранить у окружающих это впечатление: он один из немногих, у кого есть ванная для горничной, к тому же облицованная мозаикой.

Кориолан кивнул Сатирии.

– Чудное платье! Прежде я его на тебе не видел, верно? – Он с первого взгляда узнал наряд, который она надевала на церемонию Жатвы каждый год, хотя в этот раз на нем и красовались черные перья. Сатирия похвалила рубашку Кориолана, и от него требовалась ответная любезность.

– Сегодня особый день, – заметила наставница, избегая прямого ответа. – Десятая годовщина, как-никак!

– Весьма элегантно, – похвалил Кориолан. Все-таки они были хорошей командой.

Удовольствие сошло на нет, едва он увидел преподавателя физической культуры, Агриппину Серп, раздвигавшую толпу уверенными движениями накачанных плеч. За ней следовал ее ассистент, Сеян Плинт, и нес декоративный щит, который профессор Серп каждый год заставляла их держать на групповом фото класса. Щит ей вручили в конце войны в награду за инструктаж и тренировки по технике безопасности во время бомбежек.

Кориолана расстроил вовсе не щит, а наряд Сеяна: легкий темно-серый костюм с ослепительно белой сорочкой и узорчатый галстук, придававший солидности высокой угловатой

фигуре. Все вместе выглядело стильно, с иголки и буквально пахло деньгами. Точнее, наживой. Отец Сеяна, промышленник из Дистрикта-2, в свое время принял сторону президента. Он сколотил огромное состояние на производстве оружия, боеприпасов и амуниции и купил право на жизнь в Капитолии. Теперь Плинты наслаждались теми привилегиями, которые старейшие, самые могущественные семейства зарабатывали поколениями. Прежде никогда не случилось, чтобы уроженец дистрикта вроде Сеяна становился учеником Академии, однако щедрое пожертвование его отца позволило практически полностью восстановить изрядно разрушенное войной здание. Уроженец Капитолия в подобной ситуации был бы вправе рассчитывать, что Академию переименуют в его честь. Отец Сеяна всего лишь попросил позволить учиться в ней его сыну.

Для Кориолана Плинты и им подобные представляли угрозу всему, что ему дорого. Новопеченные богачи Капитолия подрывали устоявшийся порядок вещей просто в силу своего существования. Самое неприятное, что основной капитал семейство Сноу также инвестировало в производство оружия, только в Дистрикте-13... Массивный комплекс из многочисленных заводов и исследовательских лабораторий был начисто стерт с лица земли. Бомбили ядерными боеголовками, поэтому из-за радиации весь дистрикт до сих пор оставался непригоден для жизни. Военную промышленность Капитолия перенесли в Дистрикт-2, прямо Плинтю в руки. Когда новости о гибели Дистрикта-13 достигли столицы, бабушка Кориолана во всеуслышание заявила, что, по счастью, у них есть множество других активов. Увы, это было не так.

Сеян появился в школе десять лет назад. Застенчивый, ранимый мальчик с выразительными карими глазами взирал на других детей с опаской. Узнав, что он родом из дистриктов, Кориолан едва не примкнул к одноклассникам, развернувшим против новичка целую кампанию. Однако затем, поразмыслив, оставил его в покое. Капитолийские ребята решили, что травить сопляка из дистрикта Кориолан считает ниже своего достоинства, Сеян воспринял это как проявление порядочности. Обе догадки были не вполне верны, однако в результате и та, и другая сторона сочли его отличным парнем.

В круг Сатирии с крейсерской скоростью врезалась дама внушительного телосложения, профессор Серп, во все стороны разметав шуплую ватагу.

– Доброе утро, профессор Клик.

– Ах, Агриппина, как хорошо, что вы помните про свой щит, – заметила Сатирия, отвечая на крепкое рукопожатие. – Боюсь, молодежь довольно скоро позабудет истинный смысл этого дня. О, Сеян, шикарно выглядишь!

Сеян попытался изобразить поклон, но ударился о громоздкий щит. На глаза ему упал непослушный светлый локон.

– Даже чересчур, – отрезала профессор Серп. – Если бы мне понадобился павлин, я обратилась бы в зоомагазин. Все ученики должны быть в школьной форме! – Она смерила взглядом Кориолана. – Недурно. Старая рубаша из комплекта парадной формы твоего отца?

Кориолан понятия не имел, откуда взялась рубашка. В памяти мелькнула смутная картинка: удалой отец при полном параде, весь в медалях, – и он решил на этом сыграть.

– Спасибо, что обратили внимание, профессор. Я отдал немного ее переделать – сходство с формой не должно слишком бросаться в глаза, ведь сам-то я не воевал. Как бы мне хотелось, чтобы отец был сегодня здесь, со мной!

– Весьма уместная мысль, – одобрила профессор Серп и заговорила с Сатирией о размещении дополнительных сил миротворцев в Дистрикте-12, где шахтеры не справлялись с квотами по добыче угля.

Когда учителя увлеклись беседой, Кориолан кивком указал на щит.

– При деле с утра пораньше?

Сеян криво улыбнулся.

– Всегда готов служить Капитолию!

– И начищен-то он до блеска, – протянул Кориолан. Сеян явно напрягся: ему не хотелось выглядеть ни подлизой, ни мальчиком на побегушках. Кориолан выдержал паузу. – Кому об этом знать, как не мне. У Сатирии полно винных кубков.

Сеян вздохнул с облегчением.

– Ты тоже постоянно их начищаешь?

– Ну, не совсем. Просто она не слишком часто про них вспоминает, – проговорил Кориолан, балансируя между презрением и простодушием.

– Профессор Серп помнит про все. Она не стесняется подключать меня к делу ни днем, ни ночью. – Сеян замаялся и вздохнул. – Вдобавок ко всему родители затеяли переезд прямо накануне выпускного – хотят перебраться поближе к школе. Самое время!

Кориолан насторожился.

– Куда именно?

– Куда-нибудь на Корсо. Скоро все эти роскошные апартаменты пойдут с молотка. Владельцы не смогут платить налог на имущество, как говорит отец.

Щит лязгнул по полу, и Сеян поднял его повыше.

– В Капитолии имущество налогом не облагается, только в дистриктах, – заметил Кориолан.

– Приняли новый закон, – сообщил Сеян. – На восстановление города нужны деньги.

Кориолан попытался подавить приступ паники. Новый закон! За квартиру придется платить налог! И сколько, интересно? Они и без того едва сводят концы с концами – Тигрис получает грошовую зарплату, бабушка – крошечную военную пенсию за заслуги покойного мужа перед Панемом, плюс его пособие как сына героя, убитого на войне, которое перестанут выплачивать после окончания школы. Потеряют ли они жилье, если не смогут платить налог? Кроме апартаментов у них не было ничего. Продать не выйдет – Мадам-Бабушка и так набрала кучу займов под залог имущества. Придется переехать в какие-нибудь трущобы и пополнить угрюмые ряды обычных горожан, забыв про статус, про влияние, про достоинство семьи Сноу. Мадам-Бабушка такого позора не вынесет. Уж лучше сразу выкинуть ее в окно пентхауса. По крайней мере, не будет долго мучиться.

– Что с тобой? – встревожился Сеян. – Ты белый как мел!

Кориолан взял себя в руки.

– Наверное, из-за поски. Меня от нее тошнит.

– Да уж, – кивнул Сеян. – Во время войны ма пичкала меня этой гадостью чуть ли не силком.

Ма?! Неужели апартаментами Сноу завладеет тот, кто называет свою мать «ма»? Вареная капуста и поска дружно рванули на выход. Кориолан сделал глубокий вдох и волевым усилием заставил их вернуться обратно в желудок, презирая Сеяна еще больше, чем в тот день, когда в их класс явился упитанный мальчишка из дистрикта с дурацким акцентом и с мешочком мармеладок в судорожно сжатом кулачке.

Прозвенел звонок, одноклассники Кориолана бросились занимать места в первом ряду.

– Похоже, сейчас начнут распределять трибутов, – мрачно проговорил Сеян.

Кориолан последовал за ним на помост, где выделили места для менторов – шесть рядов по четыре кресла в каждом. Он старался выкинуть жилищный кризис из головы и сосредоточиться на более насущном вопросе. Сейчас самое главное – проявить себя с наилучшей стороны, а для этого ему нужен сильный трибут.

Директор Каска Хайботтом, которому приписывали идею создания Голодных игр, курировал менторскую программу лично. Он представился ученикам со всем пылом сомнамбулы, мечтательно глядя в никуда. Под действием морфлинга некогда мощное тело усохло, кожа обвисла. Недавняя стрижка и накрахмаленная сорочка лишь подчеркивали его дряхлость. Бла-

годаря славе создателя Игр Хайботтом еще кое-как держался на своем посту, однако ходили слухи, что Попечительский совет Академии начинает терять терпение.

– Всем привет! – проговорил директор заплетающимся языком и помахал над головой мятым листком бумаги. – Сейчас прочтем правила. – Ученики зашикали, не в силах ничего расслышать из-за гвалта голосов. – Сначала имя трибута, потом того, кто его получит. Поняли? Итак, начнем. Дистрикт-1, юноша, достается... – Директор Хайботтом прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд. – Очки, – пробормотал он. – Забыл. – Все уставились на очки у него на носу и ждали, пока директор их нащупает. – Ага, ну, поехали. Ливия Кардью.

Ливия торжествующе усмехнулась, победно воздела кулак и крикнула «да!» пронзительным голосом. Она всегда была склонна к злорадству. Можно подумать, лакомая добыча досталась ей исключительно за собственные заслуги, а не благодаря тому, что ее мать управляла крупнейшим банком Капитолия.

По мере того, как директор Хайботтом, запинаясь, двигался по списку, назначая менторов, отчаяние Кориолана нарастало. За десять лет проведения Игр возникла определенная закономерность. Из более сытых и лояльных Капитолию Первого и Второго дистриктов выходило больше победителей, рыболовный Четвертый и сельскохозяйственный Одиннадцатый также поставляли достойных претендентов. Кориолан надеялся на Первый или Второй, но ему не повезло. Самое обидное, что юноша из Дистрикта-2 достался Сеяну. Дистрикт-4 тоже ушел к другим, и последний шанс на победителя – юношу из Дистрикта-11 – отдали Клеменсии Давкоут, дочери Министра энергетики. В отличие от Ливии, Клеменсия восприняла известие сдержанно: перебросила волну черных, как вороново крыло, волос через плечо и записала данные о своем трибute в блокнот.

Что-то явно пошло не так, если уж Сноу, один из самых блестящих учеников Академии, не получил достойного трибута. Кориолан решил, что о нем вообще забыли (может, хотят назначить на какую-нибудь особую должность?), когда, к его ужасу, директор Хайботтом промямлил:

– И последний, причем во всех отношениях, трибут – девушка из Дистрикта-12... достается Кориолану Сноу.

Глава 2

Девчонка из Дистрикта-12?! Что может быть унижительнее? Двенадцатый – самый маленький из дистриктов, настоящее недоразумение, и дети там чахлые, с опухшими суставами, и гибнут они в первые же пять минут на арене, да что там говорить... Но девчонка?! Голодные игры подразумевают грубую силу, а девушки от природы мельче парней, значит, находятся в заведомо невыгодном положении. Кориолан никогда особо не ладил с директором Хайботтомом, которого в шутку прозвал Вечный Кайф, однако подобного публичного унижения он никак не ожидал. Неужели кличка дошла до директора, и тому вздумалось отомстить? Или в новом миропорядке для семьи Сноу больше нет места?

Пытаясь сохранять невозмутимость, Кориолан чувствовал, как у него горят щеки. Другие менторы поднялись с мест и оживленно заговорили. Ему следовало к ним присоединиться, сделать вид, словно ничего особенного не произошло, но он впал в ступор. Самое большее, на что его хватило, – повернуть голову вправо, где все еще сидел Сеян. Кориолан хотел его поздравить и вдруг с удивлением обнаружил, что тот расстроен дальше некуда.

– В чем дело? – спросил Кориолан. – Разве ты не рад? Среди этих отбросов юноша из Дистрикта-2 – лучший вариант.

– Ты что – забыл? Я ведь и сам из этих отбросов, – хриплым голосом ответил Сеян.

Кориолан промолчал. Значит, десять лет жизни в Капитолии среди элиты прошли впустую. Он все еще считает себя мальчишкой из дистрикта. Что за жалкий тип!

Сеян гневно нахмурился.

– Наверняка это устроил отец. Вечно он пытается наставить меня на путь истинный!

«Кто бы сомневался», – подумал Кориолан. Толстый кошелек папаша Страбона Плинта заслуживал уважения, в отличие от его родословной. Если менторов отбирали по заслугам предков, то в данном случае без нужных связей явно не обошлось.

Зрители вернулись на свои места. На сцене в конце зала раздвинулись шторы, открыв огромный экран от пола до потолка. Жатву показывали в прямом эфире из каждого дистрикта, двигаясь с восточного побережья на запад, и транслировали на всю страну. Значит, Дистрикт-12 стартует первым. Все поднялись: экран заполнил герб Панема, раздались звуки гимна Капитолия.

Алмаз Панема,
Великий город,
Ты блистаешь на все времена.

Некоторые ученики подбирали слова с трудом, зато Кориолан, бабушка которого коверкала гимн по утрам много лет, пропел все три куплета зычным голосом и снискал несколько одобрительных кивков. Как бы жалко это ни выглядело, он нуждался в любом одобрении.

Герб постепенно исчез, сменившись изображением президента Равинстиллы – благородная седина в волосах, военная форма старого образца как напоминание о том, что он пришел к власти задолго до Темных Времен, мятежа дистриктов против Капитолия. Он зачитал отрывок из «Договора с повинными в мятеже дистриктами», давшего жителям Панема Голодные игры: дистрикты должны были ежегодно отдавать своих юношей и девушек в качестве расплаты за погибшую молодежь Капитолия. Плата за мятеж.

Распорядители Игр переключились на окруженную миротворцами унылую площадь в Дистрикте-12, где перед Дворцом Правосудия соорудили временную сцену. Посредине, между двумя мешками из грубого льна, стоял мэр Липп – приземистый толстяк с веснушками, в без-

надежно старомодном костюме. Сунув руку поглубже в мешок слева от себя, он вытащил клочок бумаги и едва на него взглянул.

– Девушка-трибут от Дистрикта-12 – Люси Грей Бэйрд, – объявил мэр в микрофон. Камера пронеслась по массе серых, изможденных людей в серой же бесформенной одежде, выискивая трибута. Крупным планом показали суматоху – толпа расходилась, отступая подальше от несчастной.

Увидев ее, публика удивленно ахнула.

Люси Грей Бэйрд стояла прямо. На ней было некогда шикарное платье с радужными оборками, уже изрядно поношенное. Темные кудри она собрала в прическу и вплела туда полевые цветы, теперь поникшие. Благодаря яркому наряду Люси Грей бросалась в глаза, как бабочка среди стайки моли. Сразу на сцену она не пошла, а двинулась сквозь толпу девушек справа от себя.

Все случилось быстро: она сунула руку в пышные оборки, достала из кармана ярко-зеленую ленту, положила за шиворот злорадно ухмыляющейся рыжеволосой девушке и направилась к сцене, шурша юбкой. Камера застыла на рыжеволосой, чья ухмылка сменилась гримасой ужаса. Оглушительно визжа, она упала на землю, раздирая на себе одежду, а мэр громко завопил. На заднем плане по направлению к помосту неторопливо удалялась ее обидчица, ни разу не оглянувшись.

Хевенсби-холл оживился, ученики принялись толкать друг друга под локоть.

– Вы видели?

– Что она сунула ей за шиворот?

– Ящерицу?

– По-моему, змею!

– Она ее убила?

Кориолан оглядел толпу, и в нем затеплилась надежда. Его публичное оскорбление, его трибут-аутсайдер, ни на что не годная девчонка из беднейшего дистрикта, привлекла внимание всего Капитолия. Вроде бы все не так уж и плохо. Пожалуй, приложив должные усилия, Кориолану удастся обратить это позорище в нечто вполне сносное. Так или иначе, отныне их судьбы тесно сплелись.

На экране мэр Липп кубарем слетел по ступенькам и ринулся сквозь толпу к лежавшей на земле девушке.

– Мэйфэр! Мэйфэр! – вскрикнул он. – Моей дочери нужна помощь!

Круг возле девушки разомкнулся, но она так билась в конвульсиях, что это отпугивало желающих ей помочь, которых, кстати, почти не нашлось. Мэр пробился к дочери как раз в тот момент, когда ярко-зеленая змейка выскользнула из складок платья и исчезла в толпе под аккомпанемент испуганных воплей. Осознав, что змея уползла, Мэйфэр немного успокоилась, однако потрясение тут же сменилось жгучим стыдом. Она посмотрела прямо в камеру и поняла, что ее позор видел весь Панем. Одной рукой девушка схватилась за выбившуюся из волос ленту, другой принялась разглаживать порванное и перепачканное угольной пылью платье. Когда ей помогли подняться, стало видно, что она обмочилась. Отец прикрыл Мэйфэр своим пиджаком и передал на руки миротворцу, чтобы тот поскорее ее увел. Мэр обернулся к помосту и бросил исполненный ненависти взгляд на нового трибута Дистрикта-12.

Наблюдая, как Люси Грей Бэйрд поднимается на сцену, Кориолан забеспокоился. А вдруг она психически неуравновешенна? Сквозило в ее облике нечто до боли знакомое. Ворох малиновых, васильковых и лимонно-желтых оборок...

– Она похожа на циркачку, – заметила девушка в зале. Остальные менторы согласно загалдели.

Вот в чем дело! Кориолан порывлся в памяти, вспоминая свои детские походы в цирк. Жонглеры и акробаты, клоуны и танцовщицы в воздушных платьях кружатся, пока он нале-

гает на сладкую вату. Если его трибут выбрала столь праздничный наряд для самого мрачного события в году, то наверняка она с большим приветом.

Несомненно, положенное Дистрикту-12 время давно истекло, однако следовало еще определить юношу-трибута. Вернувшись на сцену, мэр Липп проигнорировал мешок с именами, направился напрямик к девушке-трибуту и ударил ее по лицу так сильно, что она буквально рухнула на колени. Он замахнулся снова, но тут вмешались миротворцы, схватили его за руки и попытались напомнить ему о непосредственных обязанностях. Мэр оказал сопротивление, и его отволокли обратно во Дворец Правосудия.

Все внимание переключилось на девушку на сцене. Камера показала лицо крупным планом, и Кориолан еще раз усомнился в ее здравомыслии. Непонятно, где ей удалось раздобыть в своем дистрикте косметику, ведь даже в Капитолии она появилась сравнительно недавно, тем не менее на веках трибута лежали синие тени и черная подводка, на щеках – румяна, губы были жирно намазаны красным. В Капитолии ее сочли бы просто дерзкой, в Дистрикте-12 это смотрелось совсем чересчур. От Люси Грей Бэйрд нельзя было отвести глаз. Аккуратно расправив сборки платья, она коснулась ушибленной щеки. Ее нижняя губа задрожала, в глазах заблестели готовые пролиться слезы.

– Только не плачь! – прошептал Кориолан. Опомнившись, он нервно огляделся и обнаружил, что девушка приковала к себе всеобщее внимание. На лицах учеников застыло озабоченное выражение. Несмотря на свою странность, ей удалось завоевать их сочувствие. Они понятия не имели, что она за человек и почему напала на Мэйфэр, однако все заметили, с каким злорадством та ухмылялась, и потом ее отец накинулся с кулаками на беззащитную девушку, которую только что сам приговорил к смерти.

– Готов поспорить, что все подстроено, – тихо сказал Сеян. – Наверняка на бумажке было другое имя.

Как раз в тот момент, когда девушка-трибут едва не расплакалась, случилось кое-что странное. В толпе запели. Голос был юный и мог принадлежать как юноше, так и девушке. Он звонко разносился по притихшей площади.

Вам не отнять мое прошлое,
Вам не отнять мою память.

По сцене пролетел ветерок, и девушка-трибут медленно подняла голову. В толпе раздался другой голос, на этот раз явно мужской.

И отца моего вам не отнять,
Даже имя его вам не узнать!

По губам Люси Грей Бэйрд скользнула тень улыбки. Она вскочила на ноги, вышла в центр сцены, схватила микрофон и дала волю чувствам.

А что можно отнять у меня,
Так тому грош цена!

Свободной рукой она подхватила оборку на юбке, принялась размахивать ею вправо-влево, и сразу стало понятно, к чему этот наряд, прическа и макияж. Кем бы девушка-трибут ни была, она подготовилась к представлению заранее. У нее был красивый голос, звонкий и чистый на высоких тонах, глубокий грудной с эффектной хрипотцой – на низких, и двигалась она уверенно.

Вам не отнять мой шарм,
Вам не отнять мой смех.
И богатств моих вам не отнять,
Потому что в помине их нет!
А что можно отнять у меня,
Так тому грош цена!

Пение преобразило девушку, и она больше не обескураживала Кориолана. Было в ней нечто волнительное, даже кокетливое. Камера следовала за ней неотступно: вот она подошла к краю сцены, выставив себя на всеобщее обозрение, прелестная и дерзкая.

Думаете, вы так уж хороши?
Думаете всего меня лишить?
Думаете, удастся мной помыкать?
Думаете меня изменить, оболгать, обокрасть?
Как бы не так! Ведь...

И она горделиво двинулась плавной походкой вокруг миротворцев, причем некоторые из них были не в силах сдержать улыбок. Никто даже не шевельнулся, чтобы ее остановить.

Вам не отнять мою дерзость,
Вам не заткнуть мне рот.
Поцелуйте меня в зад
И отправляйтесь в ад!
Ведь что можно отнять у меня,
Так тому грош цена!

Двери Дворца Правосудия распахнулись, и миротворцы, которые недавно вывели мэра, ринулись на сцену. Девушка находилась лицом к публике, однако наверняка заметила их появление. Она отправилась к дальнему концу помоста, чтобы эффектно закончить представление.

Черта с два!
То, что можно отнять у меня,
Это просто ерунда!
Забирайте бесплатно, дарю!
Ведь что можно отнять у меня,
Так тому грош цена!

Прежде чем на нее накинулись миротворцы, девушка успела послать публике воздушный поцелуй.

– Для друзей я – Люси Грей. Так меня и зовите! – выкрикнула она.

Один из миротворцев отнял у нее микрофон, другой схватил девушку в охапку и отнес обратно в центр помоста. Она помахала рукой, словно в надежде на бурные аплодисменты, но ответом ей была гробовая тишина.

Хевенсби-холл тоже умолк. Кориолан гадал, не надеются ли присутствующие, как и он сам, что девушка-трибун продолжит петь. Наконец все принялись бурно обсуждать случившееся – сначала саму девушку, потом того, кому повезло стать ее ментором. Ученики вытягивали шеи, оглядывались на него, показывали большой палец, некоторые бросали недовольные

взгляды. Кориолан смущенно покачал головой, но в глубине души ликовал. Сноу всегда берут верх!

Миротворцы снова вывели мэра на сцену и встали по бокам, чтобы избежать развития конфликта. Люси Грей его проигнорировала, вроде бы вернув себе самообладание после удачного выступления. Мэр сердито покосился на камеру и вытянул из второго мешка несколько клочков бумаги. Некоторые упали на сцену, и он прочел имя на оставшемся листке:

– Юноша-трибут от Дистрикта-12... Джессап Диггер.

Толпа на площади расступилась, давая дорогу лобастому парню с копной черных волос. Для Дистрикта-12 это был неплохой экземпляр – покрупнее многих собравшихся и на первый взгляд довольно крепкий. Судя по угрюмому виду, Джессап уже работал в шахте. Светлый тон лица на фоне грязной шеи выдавал вялую попытку отмыться перед церемонией, под ногтями чернела угольная пыль. Джессап неуклюже поднялся по ступеням, чтобы занять свое место на помосте. Когда он подошел к мэру, Люси Грей выступила вперед и протянула руку. Юноша заколебался, потом пожал ее. Люси Грей обошла его, сменила руки, встала рядом и сделала глубокий поклон, потянув Джессапа за собой. Толпа разразилась жидкими аплодисментами, кто-то одобрительно крикнул. Миротворцы окружили их, и трансляция переключилась на Дистрикт-8.

Кориолан сделал вид, что увлеченно наблюдает за жеребьевкой трибутов в Восьмом, Шестом и Одиннадцатом дистриктах, но при этом напряженно размышлял, какие последствия будет иметь появление в его жизни Люси Грей Бэйрд. Он понимал: это не трибут, а подарок! Ясное дело, обращаться с ней нужно соответственно. Как же использовать ее эффектный выход по максимуму? Как выжать побольше из наряда, змеи, песни? До начала Игр драгоценного времени перед публикой у трибутов ничтожно мало. Как после коротенького интервью заставить зрителей делать ставки на нее и, соответственно, на него? Он едва замечал прочих трибутов, по большей части жалких созданий, и присматривался к тем, кто посильнее. Сеян получил рослого парня из Дистрикта-2, юноша Ливии из Дистрикта-1 тоже смотрелся многообещающе. Хотя девушка-трибут Кориолана выглядела сравнительно здоровой, ее изящное телосложение больше годилось для танцев, чем для рукопашной схватки. Впрочем, Люси Грей наверняка неплохо бежит.

К концу церемонии Жатвы по залу поплыли заманчивые ароматы. Свежий хлеб. Лук. Мясо. У Кориолана заурчало в животе, и он рискнул выпить еще пару глотков поски в надежде приглушить голод. Он перенервничал, изголодался и едва сдерживался, чтобы не броситься к накрытым столам.

В его жизни правил бал вечный голод. Каждый день превращался в битву, в торг, в игру. Как лучше сдержать голод? Съесть всю еду за один присест? Растянуть на целый день, деля на крохи? Проглотить не жуя или мусолить до полного растворения во рту? Подобные игры разума помогали отвлечься и не думать о том, что еды не хватает. Кориолан никогда не ел досыта.

Во время войны повстанцы захватили сельскохозяйственные дистрикты и попытались голодом принудить Капитолий к подчинению, используя еду, точнее, ее нехватку как оружие. Теперь они снова поменялись ролями: Капитолий контролировал припасы и, идя на шаг впереди, проворачивал нож в сердцах дистриктов с помощью Голодных игр. Помимо попытки кровопролитными Играми, всех жителей Панема буквально морили голодом: они постоянно пребывали в отчаянии, и никто не мог быть уверен в том, что увидит рассвет.

В свое время это же отчаяние превратило добропорядочных жителей Панема в чудовищ. Умиравшие на улицах от голода люди становились невольными участниками отвратительной пищевой цепочки. Однажды зимним вечером Кориолан с Тигрис выскользнули из дома, чтобы подобрать пару деревянных ящиков, замеченных днем в соседнем переулке. По пути им попалось три мертвеца, в одном из которых они узнали молоденькую горничную, которая так мило

прислуживала на чаепитиях у Крэйнов. Повалил мокрый снег, и улицы вроде бы опустели, но на обратном пути дети испугались укутанного с головы до ног прохожего и укрылись за ближайшей изгородью. Они молча наблюдали, как их сосед Нерон Прайс, железнодорожный магнат, огромным тесаком отрезал у горничной ногу. Завернув добычу в юбку, которую сорвал с трупа, он стрелой кинулся к заднему входу своего особняка. Кузены никогда об этом не говорили, даже друг с другом, однако увиденное намертво врезалось Кориолану в память. Свирепость, искажившая черты Прайса, белый носочек, черный поношенный башмак на конце отпиленной конечности и безраздельный ужас осознания того, что и сам можешь стать чьей-то пищей...

Кориолану удалось выжить и сохранить рассудок благодаря бабушкиной дальновидности в начале войны. Его родители погибли, Тигрис тоже осиротела, и дети жили с бабушкой. Повстанцы медленно, но верно подбирались к Капитолию, однако высокомерие жителей столицы не позволяло им это признать. Нехватка продовольствия вынудила даже богачей искать некоторые продукты на черном рынке. Поздним вечером, в самом конце октября Кориолан очутился возле задней двери некогда модного ночного клуба. Одной рукой он катил красную игрушечную тележку, другой крепко держался за бабушкину руку в перчатке. Стоял жуткий холод – в воздухе чувствовалось зловещее дыхание зимы, небо закрывала плотная завеса мрачных серых туч. Они пришли повидать Плюриба Белла, стареющего мужчину в очках с лимонными стеклами и в белом напудренном парике с локонами до пояса. Плюриб и его партнер Кир, музыкант, владели клубом, который теперь использовали для торговли контрабандой с заднего входа. Сноу хотели купить ящик консервированного молока, поскольку свежего было не достать уже несколько недель, однако Плюриб сказал, что оно закончилось. Зато недавно привезли много сушеной лимской фасоли, ящики с которой стояли на зеркальной сцене за его спиной, причем до самого потолка.

– Фасоль хранится очень долго, – заверил Плюриб Мадам-Бабушку. – Я собираюсь отложить ящиков двадцать для собственных нужд.

Бабушка Кориолана рассмеялась.

– Какой ужас!

– Нет, милая моя. Ужас будет без нее.

Бабушкин смех оборвался. Бросив взгляд на Кориолана, она судорожно сжала его руку и задумчиво посмотрела на ящики.

– Сколько вы можете нам уступить?

Один ящик Кориолан отвез домой на игрушечной тележке, остальные двадцать девять прибыли глухой ночью, поскольку чрезмерное накопление припасов в осажденном городе считалось незаконным. Кир с другом затащили фасоль на верхний этаж и сложили в середине роскошно обставленной гостиной. Сверху они поставили банку молока – подарок от Плюриба – и пожелали им спокойной ночи. Кориолан с Тигрис помогли бабушке спрятать ящики в шкафах, в гардеробных и даже в старых часах.

– Кто все это будет есть? – спросил мальчик. В те дни в их жизни еще присутствовали и бекон, и цыпленок, и жареное мясо время от времени. Молоко периодически исчезало, зато сыр был в избытке. На обед обязательно подавали десерт, пусть даже просто хлеб с джемом.

– Мы с вами попробуем немного, остальное можно на что-нибудь поменять, – ответила Мадам-Бабушка. – Это наша тайна!

– Не люблю фасоль! – надул губы Кориолан. – Вдруг она невкусная?

– Ну, значит, попросим повара найти рецепт получше, – пообещала Мадам-Бабушка.

Увы, повара забрали в солдаты, и вскоре он умер от воспаления легких. Как выяснилось, Мадам-Бабушка даже включать плиту не умела, не говоря уже о том, чтобы следовать рецептам. Готовить фасоль пришлось восьмилетней Тигрис – сначала густую похлебку, потом суп, потом водянистый бульончик, на котором они продержались всю войну. Лимская фасоль. Капуста. Пайка хлеба. Они жили на этом день за днем, год за годом. Понятное дело, скудный

рацион сказался на росте Кориолана. Питайся он как следует, вырос бы повыше, и плечи у него были бы шире. Зато мозг развивался как надо, по крайней мере, Кориолан на это надеялся. Фасоль, капуста, черный хлеб. Ненавистная бурда позволила им выжить без унижений и без пожирания трупов.

Кориолан сглотнул наполнившую рот слюну и взял тарелку с золотой каймой и рельефной эмблемой Академии. Даже в самые голодные дни в Капитолии хватало прекрасной посуды, и дома Кориолану не раз приходилось есть капустные листья с тонкого фарфора. Он прихватил льняную салфетку, вилку, нож. Подняв серебряную крышку на кастрюле с подогревом, он ощутил на губах ароматный пар. Лук со сливками. Кориолан положил себе скромную порцию, стараясь не пускать слюни. Отварной картофель. Кабачки. Буженина. Горячие булочки и сливочное масло. Немного подумав, он добавил второй кусочек. Тарелка полная, но не с горкой. Для голодного подростка вполне сойдет.

Он поставил тарелку на стол рядом с Клеменсией и отправился к тележке с десертом, потому что в прошлом году спохватился слишком поздно, и ему не досталось пудинга из тапиоки. Кориолан увидел кусочки яблочного пирога, украшенные бумажными флажками с гербом Панема, и у него замерло сердце. Пирог! Когда же он ел пирог в последний раз?.. Не успел Кориолан взять порцию среднего размера, как ему под нос уткнулась тарелка с огромным куском.

– Да ладно, бери побольше! Растущий организм должен хорошо питаться.

Глаза у директора Хайботтома слезились, но взгляд был уже не такой остекленевший, как с утра. Напротив, директор пристально всматривался в его лицо.

Кориолан взял тарелку с пирогом и усмехнулся по-мальчишески добродушно. По крайней мере, он на это надеялся.

– Благодарю вас, сэр. Для пирога у меня всегда место найдется.

– К удовольствиям привыкаешь быстро, – заметил директор. – Кому, как не мне, это знать.

– Полагаю, что никому, сэр. – Прозвучало нехорошо. Кориолан имел в виду первую часть фразы – про удовольствия, а вышло ехидно, словно он намекал на дурную привычку директора.

– Вот как? – Директор Хайботтом прищурился, продолжая пристально разглядывать Кориолана. – И чем же ты намерен заняться после Игр, Кориолан Сноу?

– Надеюсь пойти в Университет, – ответил юноша. Что за странный вопрос? Разве по его успехам в учебе это не ясно?

– Да, я видел твое имя среди претендентов на приз, – проговорил директор. – А если ты его не выиграешь?

Кориолан смешался.

– Ну, тогда мы... мы оплатим обучение, конечно.

– Неужели? – Директор Хайботтом расхохотался. – Посмотри на себя – рубашка перешитая, обувь давно мала. Ты из последних сил пытаешься свести концы с концами, а сам разгуливаешь по Капитолию, задрав нос. Сомневаюсь, что в апартаментах Сноу остался хотя бы ночной горшок! Даже если выиграешь приз, что маловероятно, дальнейших расходов вам точно не потянуть. И что будет с тобой тогда? Что тогда?

Кориолан невольно оглянулся по сторонам. К счастью, ужасных слов директора не слышал никто – все были заняты едой и болтовней.

– Не волнуйся, никто не знает. Ну, почти никто. Ешь свой пирог, мальчик. – Директор Хайботтом ушел, даже не потрудившись взять кусок себе.

Кориолану отчаянно хотелось бросить тарелку и умчаться к выходу, но вместо этого он аккуратно поставил пирог на тележку. Все дело в том дурацком прозвище. Наверняка директору сообщили, что его придумал Кориолан. Вот ведь сглупил! К чему было связываться с такой влиятельной персоной, к тому же высмеивать его публично? Впрочем, что тут такого?

Прозвища дают всем учителям, некоторым даже куда менее лестные. К тому же Хайботтом, он же Вечный Кайф, не особо скрывал свою привычку. Он прямо-таки выставлял себя на посмешище. Может, для ненависти к Кориолану у него имелась другая причина?

В любом случае Кориолану нужно все исправить. Нельзя рисковать премией из-за такой ерунды. После Университета он планировал выбрать прибыльную профессию. Куда денешься без образования? Он представил свое будущее на какой-нибудь невысокой должности в столице... Что ему там светит? Заниматься распределением угля в дистриктах? Чистить клетки генетических уродцев в Лаборатории мутаций? Собирать налоги с Сеяна Плинты в его роскошных апартаментах на Корсо, а самому ютиться в жалкой дыре в пятидесяти кварталах от центра? И это еще удачный расклад! В Капитолии найти работу трудно, особенно нищему выпускнику Академии. Как жить? Взять денег в долг? Для должников Капитолия дорога одна – в миротворцы, значит, двадцать лет службы неизвестно где. Распределят еще в какое-нибудь захолустье, где люди мало чем отличаются от зверей.

Блестящие надежды, которые Кориолан возлагал на сегодняшний день, рухнули и погребли его под обломками. Сначала угроза потерять семейные апартаменты, потом менторство над худшим трибутом (к тому же эта девчонка явно не в себе), а теперь еще выясняется, что директор Хайботтом ненавидит его настолько, что готов лишить шансов на премию и приговорить к прозябанию в дистриктах!

Все знали, что случается с теми, кто попадал в дистрикты. Их вычеркивали из жизни. Их забывали напрочь. В глазах Капитолия они были все равно что мертвы.

Глава 3

Кориолан стоял на пустой железнодорожной платформе в ожидании своего трибута, держа двумя пальцами белую розу на длинном стебле. Идея с подарком принадлежала Тигрис. Хотя в день Жатвы она вернулась домой очень поздно, Кориолан все равно ее дождался, чтобы посоветоваться и рассказать о своих унижениях и страхах. Кузина велела не унывать. Премию он получит непременно, иначе и быть не может, и его ждет блестящая учеба в Университете. Что же касается их апартаментов, то сначала нужно выяснить подробности. Вероятно, налог на таких, как они, не распространяется, или его объявят не скоро. Да и все равно они обязательно выкрутятся. Сейчас думать надо только о Голодных играх и о победе!

На вечеринке в честь Жатвы у Фабриции все гости были без ума от Люси Грей Бэйрд. Его трибут – профессиональная звезда, заявили они, прихлебывая поску. Кузены рассудили, что на девушку следует произвести удачное первое впечатление, и тогда она будет сотрудничать с ним с радостью. С ней нужно обращаться не как с осужденной пленницей, а как с гостьей. Кориолан решил встретить Люси Грей на вокзале, чтобы поскорее включиться в работу над проектом и заодно завоевать ее доверие.

– Представь, как ей страшно, Корио! – воскликнула Тигрис. – И как одиноко... Будь я на ее месте, любое проявление заботы с твоей стороны произвело бы на меня огромное впечатление. Нет, даже не так. Ты должен дать ей понять, что она тебе дорога. Подари ей что-нибудь, все равно что, лишь бы она почувствовала твою заботу.

Кориолан вспомнил о бабушкиных розах, которые все еще ценились в Капитолии. Старуха неутомимо выращивала их в садике на крыше пентхауса – и на свежем воздухе, и в небольшой теплице с солнечным обогревом. Она раздавала свои розы скупно, словно бриллианты, поэтому Кориолану пришлось изрядно потрудиться, чтобы добыть эту красавицу. «Мне нужно установить с нею связь. Как ты всегда говоришь, твои розы открывают любые двери». Мадам-Бабушка согласилась, что было лишним свидетельством того, насколько ее тревожила создавшаяся ситуация.

С Жатвы прошло два дня. В городе держалась томительная жара, и, хотя едва рассвело, на вокзале уже начало припекать. Кориолан понимал, что на широкой пустой платформе он привлекает к себе лишнее внимание, однако боялся пропустить поезд. Рем Дулиттл, сосед снизу, учившийся на распорядителя Игр, сообщил, что трибутов привезут в среду. Рем недавно закончил Университет, и его семья приложила все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы он получил оплачиваемую должность, которая станет ступенькой на пути к успешной карьере. Кориолан мог бы навести справки в Академии, но опасался, что на подобную инициативу посмотрят косо. Никаких правил для менторов пока не существовало, и он предполагал, что большинство его одноклассников, скорее всего, встретятся со своими трибутами под наблюдением учителей на следующий день.

Миновал час, другой, а поезд все не ехал. Сквозь стеклянную крышу вокзала солнце жарило вовсю. Кориолан обливался потом, величая роза начала смиренно никнуть. Он уже сомневался, что идея встретить трибута на перроне была удачной. Обычная девушка наверняка бы обрадовалась, однако Люси Грей Бэйрд – совсем иное дело. Кориолан вздрогнул, вспомнив подробности Жатвы в Дистрикте-12: дерзкое выступление Люси Грей после оплеухи мэра, змею, сунутую за шиворот рыжеволосой... Разумеется, никто не знал, ядовита змея или нет, но ведь это первое, что приходит на ум, не так ли? Ему стало жутко. И вот Кориолан стоит посреди перрона в форме Академии, с розой в руке, как влюбленный школьник, и надеется, что она... На что он вообще надеется? На ее симпатию? На доверие? На то, что она не убьет его при первом же случае?

Без взаимопонимания им не обойтись. Вчера Сатирия провела собрание менторов, на котором им выдали первое задание. Прежде трибутов отправляли на арену сразу после прибытия в Капитолий, однако в связи с привлечением учеников Академии регламент мероприятия изменился. Распорядители решили выделить каждому ментору пять минут на интервью с трибутом, чтобы представить участников Игр Панему в прямом эфире. Если у зрителей будет за кого болеть, интерес к просмотру Голодных игр может вырасти. Если все пройдет удачно, им выделят лучшее эфирное время, и менторы смогут даже комментировать действия трибутов на Играх. Кориолан понимал, что обязан сделать свои пять минут гвоздем программы.

Прошел еще час, и Кориолан уже собрался махнуть рукой на свою затею, как вдруг в тоннеле гулко прозвучал свисток поезда. В первые месяцы войны свисток означал возвращение отца с поля битвы. Будучи промышленным магнатом, отец полагал, что служба укрепит его позиции в семейном бизнесе. Превосходное стратегическое чутье, стальные нервы и властный характер помогли ему быстро подняться по служебной лестнице. Желая публично продемонстрировать приверженность делу Капитолия, семейство Сноу, в том числе и наряженный в бархатный костюмчик Кориолан, каждый раз встречало героя на вокзале. Однажды поезд вернулся без него – пуля мятежника нашла свою цель. Теперь все в Капитолии напоминало Кориолану об ужасном событии, причем особенно тяжело ему приходилось на вокзале. Вряд ли он по-настоящему любил этого сурового, малознамого человека, но определенно нуждался в его защите. Смерть отца принесла страх и чувство беспомощности, от которых Кориолан так и не избавился.

Поезд со свистом вылетел на перрон и остановился. Состав был короткий – локомотив и пара вагонов. Кориолан надеялся увидеть своего трибута в окне и вдруг понял, что вагоны вовсе не пассажирские, а грузовые. Их содержимое надежно защищали старомодные висячие замки на массивных цепях.

«Не тот поезд, – подумал Кориолан. – Можно идти домой».

Внезапно из ближайшего вагона раздался человеческий крик.

Кориолан ожидал, что сейчас набегут миротворцы, но те не спешили. Минут через двадцать подошло несколько солдат. Один из них переговорил с невидимым машинистом, и тот выбросил из окна связку ключей. Миротворец неторопливо прогулялся к первому вагону, перебрал все ключи, выбрал нужный, вставил в замок и повернул. Цепи упали, и он сдвинул тяжелую дверь в сторону, достал дубинку и постучал по стенке.

– Выходим, ребята, приехали!

В проеме возник высокий темнокожий юноша в залатанной холщовой одежде – трибут Клеменсии из Дистрикта-11, поджарый, зато мускулистый. Надрывно кашляя, вслед за ним показалась такая же смуглая девушка, только худая как скелет. Оба босиком, со скованными впереди руками. До земли было футов пять, и они присели на краю вагона, прежде чем неуклюже спрыгнуть на платформу. Хрупкая бледная девочка в полосатом платье и красном шарфике подползла к дверям и замерла, не зная, как спуститься. Миротворец грубо ее дернул, и она упала, едва успев выставить перед собой руки. Затем он заглянул в вагон, вытащил из него мальчика лет десяти на вид, которому, конечно, никак не могло быть меньше двенадцати, и тоже выволок на перрон.

На Кориолана повеяло затхлым, тяжелым духом. Трибутов привезли в вагоне для скота, вдобавок еще и нечищеном. Кормили ли их? Давали ли подышать свежим воздухом? Или так и держали впроголодь и взаперти? Хотя ему доводилось видеть трибутов на экране, к встрече с ними во плоти он оказался не готов, и его захлестнула волна жалости и отвращения. Они и в самом деле были существами из другого мира. Из мира, полного отчаяния и жестокости.

Миротворцы перешли ко второму вагону и открыли замок. За дверью уже ждал Джессап, юноша из Дистрикта-12, и щурился на ярко освещенный вокзал. Кориолан вздрогнул и

собрался с духом. Сейчас он увидит ее. Джессап грузно спрыгнул на перрон и повернулся к вагону.

Люси Грей Бэйрд вышла, заслоняя скованными руками глаза, пока не привыкла к свету. Джессап вытянул руки, разведя их насколько позволяла цепь, и девушка упала ему навстречу. Джессап поймал ее за талию и поставил на землю на удивление грациозно. Она благодарно похлопала его по плечу и запрокинула голову, наслаждаясь солнечным светом. Тем временем ее пальцы заботливо перебирали локоны, избавляясь от забившейся в них соломы.

Кориолан ненадолго отвлекся на миротворцев, которые выкрикивали угрозы, стоя у открытого вагона. Когда он повернулся к Люси Грей, она смотрела на него в упор. Кориолан вздрогнул, потом сообразил: на перроне он был единственным штатским. Солдаты ругались, подсаживая одного из своих в вагон, чтобы вытащить несговорчивых трибутов.

Сейчас или никогда!

Кориолан подошел к Люси Грей, протянул ей розу и слегка кивнул.

– Добро пожаловать в Капитолий, – проговорил он. После стольких часов молчания в голосе появилась хрипотца, и Кориолан надеялся, что это придаст ему зрелости.

Девушка смерила его оценивающим взглядом. Кориолан боялся, что она либо уйдет, либо посмеется над ним. Не случилось ни того, ни другого. Она потянулась к цветку и осторожно оторвала лепесток.

– Когда я была маленькой, меня купали в пахте и розовых лепестках, – непринужденно сообщила Люси. Несмотря на неприглядность ее нынешних обстоятельств, ей хотелось верить. Девушка провела пальцем по матовой поверхности лепестка, положила его в рот и закрыла глаза, наслаждаясь вкусом. – Чудесно! Только сказки на ночь не хватает.

Кориолан воспользовался случаем, чтобы ее рассмотреть. Люси Грей выглядела иначе, чем на церемонии Жатвы. Не считая отдельных пятнышек, вся косметика стерлась, и без нее девушка-трибут казалась совсем юной. Губы потрескались, волосы расплелись, радужное платье испачкалось и помялось. На месте удара на щеке расцвел лиловый синяк. И все равно чувствовалось в ней нечто особенное. Кориолан словно наблюдал за представлением, только на этот раз для ограниченного круга зрителей.

– Хм, на миротворца не похож... Что ты вообще тут делаешь?

– Я – твой ментор. Распорядители Игр не знают, что я здесь, – признался Кориолан. – Хотел познакомиться с тобой на моих условиях.

– Ясно, бунтарь, – заметила она.

Для жителей Капитолия это слово означало смерть, но в устах Люси Грей оно прозвучало одобрительно, как комплимент. Может, насмехается? Кориолан вспомнил, что она прятала змею в кармане и обычные правила ей не писаны.

– А что еще может мой ментор, кроме как дарить розы? – поинтересовалась она.

– Заботиться о тебе как следует.

Миротворцы тем временем вышвыривали полуголодных детей на перрон. Одна девочка выбила передний зуб, мальчика жестоко отпинали.

Люси Грей улыбнулась Кориолану.

– Ну, удачи тебе, красавчик, – бросила она и ушла, оставив его стоять с розой в руках.

Миротворцы повели трибутов к главному входу, и Кориолан понял: его шансы стремительно убывают. Он не сумел завоевать ее доверие. Так, слегка позабавил и все. Люси Грей сочла его бесполезным и, пожалуй, права. Однако на карте стояло столь многое, что Кориолан решил хотя бы попытаться. Он бросился за трибутами и догнал их у самых дверей.

– Извините, что отвлекаю, – выпалил он вслед командиру миротворцев. – Я – Кориолан Сноу из Академии. – Он кивнул в сторону Люси Грей. – На время Голодных игр этот трибут закреплен за мной. Скажите, могу ли я сопровождать ее до места пребывания?

– Так вот зачем ты болтался здесь все утро? Хотел прокатиться задарма? – спросил миротворец. От него разило спиртным, глаза налились кровью. – Разумеется, мистер Сноу. Присоединяйтесь.

И тогда Кориолан заметил грузовик, который ждал трибутов. Точнее, клетку на колесах. Основание кузова окружала решетка, покрытая сверху стальными листами. Кориолану снова вспомнился цирк из его детства, где он видел диких зверей – больших кошек и медведей – в точно таких же перевозках. Следуя приказам, трибуты протягивали руки, их избавляли от оков и сажали в клетку.

Кориолан попятился и вдруг заметил, что Люси Грей на него смотрит. Нужно было решаться. Если отступить сейчас, все будет кончено. Она сочтет его трусом и перестанет воспринимать всерьез.

Он сделал глубокий вдох и полез в клетку.

Дверь захлопнулась, грузовик резко рванул с места. Кориолан инстинктивно ухватился за решетку справа и врезался в нее лбом, потому что на него навалилось несколько трибутов. Он отпихнул их подальше и вывернулся, встав к своим попутчикам лицом. Теперь почти все держались за прутья, кроме девочки с выбитым зубом, которая цеплялась за ногу парня из своего дистрикта. Грузовик выехал на широкую улицу, и все кое-как устроились.

Кориолан понял, что совершил ошибку. Даже на открытом воздухе вонь стояла невыносимая. Немытые трибуты впитали запахи вагона для скота, и смесь получилась поистине тошнотворная. Вблизи стало видно, насколько они неопрятные, какие у них покрасневшие глаза, как изранены их тела. Люси Грей забилась в передний угол, утирая подолом кровь со лба. К присутствию Кориолана она отнеслась равнодушно, зато остальные трибуты уставились на него, словно стоя диких зверей на холеного пуделя.

«По крайней мере, я в лучшей форме, чем они, – утешил себя Кориолан и сжал розу в кулаке. – Если нападут, у меня будет шанс». Хотя сможет ли он выстоять один против всех?

Грузовик притормозил, пропуская набитый пассажирами троллейбус. Кориолан находился в задней части клетки, но все равно на всякий случай пригнулся, чтобы его не заметили.

Троллейбус проехал, грузовик тронулся, и Кориолан рискнул выпрямиться. Трибутам стало смешно, некоторые злорадно потешались над его явным смущением.

– В чем дело, красавчик? Не в ту клетку угодил? – с издевкой осведомился юноша из Дистрикта-11.

Столь неприкрытая ненависть потрясла Кориолана, однако он постарался сохранить невозмутимость.

– Нет, именно эту клетку я и поджидал все утро.

Трибут из Одиннадцатого стремительно обхватил горло Кориолана длинными пальцами в шрамах и всем телом прижал его к прутьям. Кориолан задействовал единственный прием, который никогда не подводил его в потасовках на школьном дворе: изо всех сил саданул противника коленом в промежность. Парень из дистрикта охнул и сонулся пополам.

– Тебе конец! – ухмыльнулась девушка из Дистрикта-11. – Дома, в Одиннадцатом он убил миротворца. Никто так и не узнал, кто это сделал.

– Заткнись, Дилл! – прорычал парень.

– Кому теперь какое дело? – отмахнулась Дилл.

– Давайте прикончим его все вместе! – свирепо воскликнул самый мелкий трибут. – Чего нам терять?

Трибуты согласно заворчали и подались вперед.

От ужаса Кориолан буквально оцепенел. Прикончим? Неужели они и в самом деле хотят забить его до смерти – здесь, при свете дня, посреди Капитолия? Конечно, терять им нечего... Сердце колотилось как бешеное, в ожидании неизбежного он слегка присел и выставил кулаки.

Из угла раздался мелодичный голосок Люси Грей и развеял напряжение:

– Нам, может, и нечего. Как насчет ваших семей? Капитолийцам есть кого наказывать вместо вас.

Это буквально вышибло из них дух. Люси Грей протиснулась к Кориолану и встала между ним и трибутами.

– К тому же это мой ментор, – заявила она, – и должен мне помогать. Думаю, он еще пригодится.

– С какой радости тебе достался монтер? – спросила Дилл.

– Ментор, – поправил Кориолан, пытаясь не выдать страх. – Вам тоже назначили менторов.

– А почему их здесь нет? – усомнилась Дилл.

– Наверное, не горят энтузиазмом, – заметила Люси Грей, отвернувшись от Дилл и подмигнула Кориолану.

Грузовик свернул на узкую улочку, доехал до конца и резко затормозил. Кориолан никак не мог сориентироваться. Он попытался вспомнить, где держали трибутов в прошлые годы. Вроде бы в конюшне для лошадей миротворцев. Учитывая враждебность трибутов, надо объясниться с командиром миротворцев и попросить какую-нибудь защиту. После того как Люси Грей ему подмигнула, Кориолан понял, что остаться стоит.

Водитель начал сдавать назад к тускло освещенному зданию, вероятно, складу; из распахнутых металлических ворот донесся терпкий запах тухлой рыбы и прелого сена. Миротворец открыл заднюю дверь грузовика, и не успели трибуты выбраться наружу самостоятельно, как клетка накренилась и вывалила их на холодную и влажную бетонную плиту. Точнее, на спускной желоб, однако наклон был так велик, что все сразу заскользили вниз. Отчаянно пытаясь отыскать опору, Кориолан потерял розу и рухнул в общую кучу на песчаный пол футах в двадцати от входа. Под нещадными лучами солнца он выбрался из переплетенных тел, отполз в сторону, выпрямился и застыл в ужасе. Их привезли не в конюшню. Хотя Кориолан не был здесь много лет, теперь он вспомнил это место. Песок. Искусственные скалы. Ряд металлических прутьев в виде виноградных лоз, изогнутый широкой дугой, чтобы защитить публику. Из-за решетки на них во все глаза смотрели капитолийские дети.

Обезьянник в городском зоопарке.

Глава 4

На виду у изумленной публики Кориолан чувствовал себя куда хуже, чем если бы стоял голышом посреди Корсо. Тогда он хоть смог бы убежать. Теперь же он угодил в западню, и скрыться было решительно негде, как и бедным животным, которые находились здесь до него. Дети принялись оживленно переговариваться и указывать на его школьную форму, привлекая внимание взрослых. Все свободное пространство между прутьями мигом заполнили любопытные лица. Хуже того, с обеих сторон внезапно возникло по камере.

Новости Капитолия! Куда же без вездесущих репортеров с их дерзким слоганом «Если вы не увидели этого у нас, значит, этого не случилось вовсе»!

Еще как случилось. Да еще с ним.

Кориолан представил, как его изображение транслируют на весь Капитолий. К счастью, он застыл как вкопанный. Хуже, чем стоять в обезьяннике среди оборванцев из дистриктов, могло быть только одно: носиться как угорелому в поисках выхода. Так просто отсюда не выберешься. Вольер надежный, его строили для диких зверей. Попытки укрыться выглядели бы жалко. Новости станут крутить без перерыва. Добавят дурацкую музыку и смешные подписи. «Сноу бьется в истерике!» Включат в прогноз погоды. «Слишком жарко для Сноу!» Будут показывать до конца его дней. Опозорят навсегда.

Что же ему оставалось? Только стоять, глядя прямо в камеру, и ждать, пока спасут.

Кориолан выпрямился в полный рост и принял скучающий вид. Публика начала его окликать – сначала раздались пронзительные голоса детей, потом вступили взрослые. Им хотелось знать, что он делает в клетке и не нужна ли ему помощь. Наконец его кто-то узнал, и имя молниеносно разнеслось по толпе, которая становилась все плотнее.

– Это же мальчишка Сноу!

– Кто-кто?

– Из тех самых Сноу, у которых розы на крыше!

Почему все эти люди пришли в зоопарк посреди рабочей недели? Неужели им заняться нечем? Почему дети не в школе? Неудивительно, что в стране такой бардак.

Вокруг него нарезала круги пара из Дистрикта-11, свирепый мальчишка, который предлагал его убить, и еще несколько трибутов. Кориолан помнил вспышку их ненависти в грузовике и теперь снова гадал, что случится, если им вздумается напасть. Возможно, публика только заплестирует.

Кориолан старался не паниковать, но буквально обливался потом. Все лица – и ближайших трибутов, и толпы за решеткой – начали расплываться. Черты потеряли четкость, распавшись на темные и светлые участки кожи с красно-розовыми провалами разъяренных ртов. Его руки и ноги онемели, легким не хватало воздуха. Он хотел кинуться к желобу и попробовать взобраться по нему наверх, как вдруг позади кто-то сказал: «Лови момент!»

Не оборачиваясь, он сразу понял: это та самая девушка, его трибут, и почувствовал огромное облегчение. Он не один. Кориолан вспомнил, как ловко ей удалось завладеть аудиторией после нападения мэра, как она покорила их сердца своей песенкой. Конечно, Люси Грей права. Либо он сделает вид, что так и задумано, либо все будет кончено.

Кориолан сделал глубокий вдох и обернулся. Люси Грей сидела на песке, непринужденно закрепляя за ухом белую розу. Похоже, она постоянно прихорашивается. В Двенадцатом девушка поправляла оборки, на перроне – волосы, теперь решила украсить себя цветком. Кориолан протянул ей руку, словно она была дамой высшего света.

Уголки губ Люси Грей поползли наверх. Она грациозно подала ему руку, и по телу Кориолана будто искра пробежала, передавая ему частичку ее сценического обаяния. Он слегка поклонился своей даме.

«Она на сцене. Ты тоже на сцене. Это представление», – подумал Кориолан, поднял голову и спросил:

– Не угодно ли познакомиться с моими соседями?

– С удовольствием, – откликнулась Люси Грей, словно зашла в гости на чай. – Слева я выгляжу получше, – шепнула она, легонько коснувшись щеки.

Кориолан не вполне понял, зачем ему это знать, однако повел ее к левому краю вольера. Хотя Люси Грей радостно улыбалась, ее пальцы сжимали его руку, как тиски.

Между искусственными скалами и решеткой лежал неглубокий, высохший ров – когда-то зверей от посетителей отделяла водная преграда. Кориолан с Люси Грей сошли по трем ступенькам, пересекли ров и взобрались на узкий уступ, который шел вдоль всего вольера. Так они очутились лицом к лицу со зрителями. Кориолан приблизился к одной из камер – куда от них денешься? – где расположилась толпа малышей. Расстояние между прутьями было около четырех дюймов – пролезть не пролезешь, зато можно высунуть руку. Увидев узников так близко, детишки умолкли и прижались к ногам родителей.

Кориолан подумал, что идея с гостией на чаепитии ничуть не хуже любой другой, и относиться к ситуации следует с той же непринужденностью.

– Как поживаете? – спросил он, склоняясь к детям. – Я привел с собой подругу. Хотите с ней познакомиться?

Дети заерзали и захихикали, и один маленький мальчик крикнул:

– Да! – Он несколько раз ударил по решетке ладонями и смущенно сунул руки в карманы. – Мы видели ее по телику.

Кориолан подвел своего трибута к ограде.

– Позвольте представить вам мисс Люси Грей Бэйрд!

Публика замерла. Странная девушка-трибут подошла к детям слишком близко, и в то же время всем хотелось услышать, что она скажет. Люси Грей опустилась на одно колено.

– Привет, малыш! Я – Люси Грей. А как тебя зовут?

– Понтий, – ответил мальчик и посмотрел на мать в ожидании одобрения. Та взирала на Люси Грей с опаской.

– Как поживаешь, Понтий? – спросила девушка-трибут.

Мальчик протянул руку для рукопожатия, как поступил бы любой воспитанный капиталистский ребенок. Люси Грей сделала ответный жест, однако высовывать руку за решетку не стала, чтобы никого не напугать. В результате малыш дотянулся до нее сам. Она радушно пожала маленькую ладошку.

– Очень приятно! А это твоя сестра? – Люси Грей кивнула на малышку с ним рядом. Та стояла, изумленно таращась и посасывая палец.

– Ее зовут Венера, – ответил Понтий. – Ей всего четыре.

– По-моему, четыре года – прекрасный возраст, – заметила Люси Грей. – Приятно познакомиться, Венера!

– Мне нравится твоя песня, – прошептала Венера.

– Правда? – обрадовалась Люси Грей. – Как мило! Продолжай смотреть шоу, золотко, а я попробую спеть что-нибудь еще. Договорились?

Венера кивнула и зарылась личиком в юбку матери. В толпе раздались возгласы умиления.

Люси Грей двинулась вдоль ограды, увлекая детей за собой. Кориолан держался на некотором отдалении, чтобы все внимание доставалось ей.

– Ты принесла свою змею? – с надеждой спросила девочка с тающим клубничным мороженым.

– Нет, но мне бы очень хотелось, ведь эта змейка – моя добрая подружка, – доверительно призналась Люси Грей. – А у тебя есть любимый питомец?

– У меня рыбка, ее зовут Кроха. – Девочка переложила мороженое в другую руку и потянулась сквозь решетку к Люси Грей. – Можно потрогать твоё платье? – От ладони до локтя она перепачкалась рубиновым сиропом, однако Люси Грей лишь рассмеялась, протянула краешек подола, и девчушка с любопытством ощупала оборки. – Красивое!

– У тебя тоже. – Платье на малышке было из вылинявшего ситца – ничего особенного. – Обожаю платья в горошек!

Девочка расцвела.

Кориолан заметил, как меняется настроение публики: трибута уже не боялись, они ее почти полюбили. Когда дело касается детей, людьми легко манипулировать. Им приятно видеть, что дети довольны.

Похоже, Люси Грей это инстинктивно понимала, потому что общалась только с детьми, а взрослых намеренно игнорировала. Она почти дошла до камеры и стоявшего подле репортера. Подняв голову и обнаружив объектив, направленный ей прямо в лицо, девушка-трибута вздрогнула, потом рассмеялась.

– Ой, привет! Нас показывают по телевизору?

Молодой капитолийский репортер жадно рванулся к Люси Грей в погоне за сенсацией.

– Еще бы!

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Я – Липид Мальвазия, программа «Новости Капитолия», – ответил он с улыбкой. – Итак, Люси, ты – трибута из Дистрикта-12?

– Люси Грей, – поправила она, – и я не совсем из Двенадцатого. Наш музыкальный ансамбль в один прекрасный день свернул не туда, и нам пришлось остаться в дистрикте.

– Ясно. Тогда откуда же вы? – спросил Липид.

– Отовсюду. Мы путешествуем с места на место... – Люси Грей спохватилась и пояснила: – Ну, прежде, пока не вмешались миротворцы.

– Значит, теперь вы жители Дистрикта-12, – не унимался репортер.

– Как скажешь. – Люси Грей перевела взгляд на толпу с таким видом, будто ей невозможно скучно.

Репортер почувствовал, что она ускользает.

– Твое платье произвело в Капитолии настоящий фурор!

– Неужели? Все в нашем ансамбле обожают яркие цвета, особенно я. А это платье – моей мамы, и я его очень люблю.

– Твоя мама сейчас в Дистрикте-12? – спросил Липид.

– Только ее косточки, дорогуша. Только ее жемчужно-белые косточки. – Люси Грей посмотрела на растерявшегося репортера в упор. Больше вопросов не последовало, и она повернулась к Кориолану. – Кстати, ты знаком с моим ментором? Его зовут Кориолан Сноу. Он капитолийский юноша, и мне с ним неслыханно повезло! Можно сказать, мне досталось пирожное с кремом. Кстати, ни один другой ментор не удосужился встретить своего трибута.

– Да уж, ему удалось нас всех удивить. Кориолан, тебя сюда послали учителя? – спросил Липид.

Кориолан шагнул к камере и попытался изобразить из себя эдакого озорного симпатягу.

– Нет, но они мне и не запрещали. – По толпе прокатился смех. – Зато я точно помню, как они сказали, что я должен представить Люси Грей Капитолию. Вот я и решил подойти к заданию серьезно.

– И ты не раздумывая сиганул в клетку с трибутами? – подначил репортер.

– Честно говоря, раздумывать было некогда, – признался Кориолан. – С другой стороны, если хватило храбрости у нее, то чем я хуже?

– Между прочим, у меня выбора не было, – напомнила Люси Грей.

– Между прочим, у меня тоже! – воскликнул Кориолан. – После того как я услышал твою песню, я просто не смог устоять! Признаюсь, я твой фанат. – Толпа зааплодировала, и Люси Грей кокетливо взмахнула юбкой.

– Очень надеюсь, что в Академии с тобой согласятся, Кориолан, – заметил Липид. – Впрочем, скоро сам узнаешь.

Кориолан обернулся. В задней части вольера распахнулись массивные железные двери с забранными решеткой окнами. Он снова посмотрел в камеру, намереваясь обставить свой уход поэффектнее.

– Спасибо за внимание! Запомните, это была Люси Грей Бэйрд, трибут из Дистрикта-12. Если выдастся свободная минутка, приходите в зоопарк и познакомьтесь с ней лично. Уверю вас, оно того стоит!

Люси Грей протянула ему руку, изящно опустив кисть. Он намек понял и поднес запястье к губам. Коснувшись ее кожи, Кориолан ощутил приятный трепет. Помахав напоследок, он без единого слова последовал за миротворцами. Публика разразилась аплодисментами.

Когда двери за спиной снова заперли, Кориолан облегченно выдохнул и понял, насколько сильно испугался. Он молча поздравил себя с тем, что при подобных обстоятельствах сумел сохранить достоинство. Миротворцы, судя по хмурым взглядам, считали иначе.

– Что за выкрутасы? – строго спросил главный. – Тебе туда нельзя!

– Я и сам так думал, пока ваши когорты не спустили меня вниз по желобу самым беспардонным образом, – заявил Кориолан. Он надеялся, что слова «когорты» и «беспардонным образом» прозвучали с должной степенью превосходства. – Я подписывался всего лишь на поездку до зоопарка. С большим удовольствием готов потолковать с вашим командиром и опознать виновных. Однако лично вам я весьма благодарен!

– Угу, – буркнул офицер. – У нас приказ: сопроводить тебя прямиком до Академии.

– Так даже лучше, – с уверенным видом кивнул Кориолан. На самом деле из-за быстрой реакции школы ему стало здорово не по себе.

Хотя телевизор в фургоне миротворцев не работал, обрывки сюжета из зоопарка мелькали на больших экранах по всему Капитолию. Вид Люси Грей, а потом и себя самого с ней рядом взбудоражил Кориолана. Он вовсе не планировал выходку настолько дерзкую, но раз уж так случилось, то почему бы ею не насладиться? В самом деле, он устроил недурное представление. Не потерял голову. Выстоял. Познакомил зрителей с девушкой, кстати, прирожденной актрисой. Овладел ситуацией с достоинством и даже с юмором.

По приезде в Академию к Кориолану вернулось самообладание, и по ступеням он поднимался уже вполне уверенно. Ученики смотрели на него во все глаза. Если бы не миротворцы, одноклассники наверняка бросились бы с расспросами. Он думал, его поведут прямо к директору, однако конвоиры велели ему ждать на скамье возле Лаборатории высшей биологии, которую посещали лишь самые одаренные старшеклассники. Кориолан не особенно любил возиться в лаборатории (запах формальдегида вызывал рвотные позывы, а работать в паре он вообще терпеть не мог) и все же достаточно преуспел в манипуляциях с генами, чтобы его приняли. То ли дело Ио Джаспер – казалось, эта талантливая чудачка родилась со встроенным микроскопом. Кориолан всегда был к ней добр – и добился ее обожания. Те, кто не пользуются популярностью, весьма отзывчивы на малейшие знаки внимания. Впрочем, кто он такой, чтобы ставить себя выше других?

Напротив скамьи висела доска для объявлений; свежий циркуляр гласил:

Десятые Голодные игры Назначение менторов

Дистрикт-1

Юноша – Ливия Кардью
Девушка – Пальмира Монти
Дистрикт-2
Юноша – Сеян Плинт
Девушка – Флора Френд
Дистрикт-3
Юноша – Ио Джаспер
Девушка – Урбан Канвилл
Дистрикт-4
Юноша – Персефона Прайс
Девушка – Фест Крид
Дистрикт-5
Юноша – Деннис Флинг
Девушка – Ифигения Мосс
Дистрикт-6
Юноша – Аполлон Ринг
Девушка – Диана Ринг
Дистрикт-7
Юноша – Випсания Серп
Девушка – Плиний Харрингтон
Дистрикт-8
Юноша – Юнона Фиппс
Девушка – Иларий Хевенсби
Дистрикт-9
Юноша – Гай Брин
Девушка – Андрокл Андерсон
Дистрикт-10
Юноша – Домиция Уимсвик
Девушка – Арахна Крейн
Дистрикт-11
Юноша – Клеменсия Давкоут
Девушка – Феликс Равинстилл
Дистрикт-12
Юноша – Лисистрата Викирс
Девушка – Кориолан Сноу

Болтаться в самом низу списка, висящего у всех на виду... Что может быть унижительнее?

Кориолан долго недоумевал, почему его привели именно в лабораторию. Наконец конвоир сообщил, что его ждут. После робкого стука в дверь знакомый голос директора Хайботтома велел ему войти. Кориолан надеялся увидеть Сатирию, однако вместо нее обнаружил сгорбленную старушку с седыми кудряшками, которая совала в клетку с кроликом металлический прут. Она дразнила кролика через сетку до тех пор, пока генетически модифицированное животное с челюстями как у питбуля не выхватило прут и не перекусило пополам. Старушка выпрямилась, насколько могла, повернулась к Кориолану и радостно воскликнула:

– Прыг-скок!

Доктор Волумния Галл, Главный распорядитель Игр и основатель Отдела экспериментального оружия Капитолия, нагоняла на Кориолана ужас с самого детства. Однажды на школьной экскурсии, на глазах у целого класса девятилеток она расплавила каким-то лазером живую крысу, а потом поинтересовалась, нет ли у них домашних питомцев, которые им надоели.

Никаких животных у Сноу не было – сами жили впроголодь. Зато у Плюриба Белла имелась белая кошка по имени Пушинка Белл, любившая лежать у него на коленях и беззаботно играть длинными прядями парика. Кориолан ей очень нравился, и она принималась хрипло мурлыкать всякий раз, стоило ему почесать ее за ухом. В те страшные зимние дни, когда он брел по слякоти, чтобы обменять очередной мешочек лимской фасоли на капусту, шелковистое тепло кошки служило ему большим утешением. Кориолан ужасно расстроился, представив, что могут сделать с Пушинкой в лаборатории.

Доктор Галл преподавала в Университете и в Академии появлялась редко. Впрочем, будучи Главным распорядителем Голодных игр, она наверняка следила и за менторской практикой. Неужели она здесь из-за поездки Кориолана в зоопарк? Не лишат ли теперь его менторства?

– Прыг-скок, бум-шварк! – Доктор Галл усмехнулась. – Как тебе зоопарк? Прямо детский стишок: прыг-скок, бум-шварк, как тебе зоопарк? Оба, ментор и трибут, в одну клетку упадут!

Кориолан растянул губы в подобии улыбки и бросил взгляд в сторону директора Хайботтома, ожидая подсказки. Тот сгорбился за лабораторным столом и потирал висок с таким видом, будто страдает от невыносимой головной боли. Помощи от него не дождешься.

– Ну да, – кивнул Кориолан. – Так и было. Оба мы в клетку упали.

Доктор Галл вопросительно подняла брови, словно надеясь на продолжение.

– И?

– И... мы... на сцену попали? – добавил он.

– Ха! Ну конечно! Именно это вы и сделали! – Доктор Галл посмотрела на него с одобрением. – Любишь поиграть? Пожалуй, в один прекрасный день из тебя может выйти неплохой распорядитель.

Подобная мысль ему даже в голову не приходила. При всем уважении к Рему, Кориолан считал, что работа у него так себе. Разве требуются особые умения или навыки, чтобы бросить на арену детей с оружием и заставить их убивать друг друга? Наверное, распорядители также организывают Жатву по дистриктам и снимают Игры, однако сам он надеялся на более перспективную карьеру.

– Прежде, чем об этом даже мечтать, я должен многому научиться, – скромно заметил он.

– Главное, что у тебя есть чутье, – заявила доктор Галл. – Теперь расскажи нам, зачем ты полез в клетку.

Это вышло случайно, едва не ляпнул Кориолан и вдруг вспомнил, как Люси Грей прошептала ему: «Лови момент!»

– Ну... трибут мне достался хилый – из тех, что погибают в первые пять минут Голодных игр. Впрочем, на свой убогий лад она даже обаятельна – поет, танцует и все такое. – Кориолан помолчал, словно вспоминая свой план. – Вряд ли у нее есть шанс на победу, но ведь это не главное, верно? Мне сказали, что задача менторов – привлечь зрителей. Заставить людей смотреть Игры. И тогда я спросил себя: как же мне обеспечить охват аудитории? Я решил пойти туда, где есть камеры.

Доктор Галл кивнула.

– Да. Голодных игр без зрителей не бывает. – Она повернулась к директору. – Вот видишь, Каска, мальчик проявил инициативу. Он понимает, почему так важно продолжать Игры.

Директор Хайботтом недоверчиво прищурился.

– Разве? А если он просто занимается показухой, чтобы нагнать себе оценку? Кориолан, в чем же, по-твоему, цель Голодных игр?

– Наказать дистрикты за мятеж, – ответил Кориолан без запинки.

– Наказание может принимать разные формы, – заметил директор. – Почему именно Голодные игры?

Кориолан заколебался. Почему именно Голодные игры? Почему бы просто не сбросить бомбы, не прекратить снабжать дистрикты едой или не устроить казни на ступенях Дворцов Правосудия?

Внезапно он вспомнил, как Люси Грей стояла на коленях у решетки и знакомилась с детьми, как постепенно оттаивала толпа. Тут была некая связь, которую он никак не мог облечь в слова.

– Потому что... Все дело в детях! В том, что они значат для людей.

– И что же они значат? – допытывался директор Хайботтом.

– Люди любят детей, – проговорил Кориолан и тут же усомнился в своих словах. Во время войны он пережил и бомбежки, и голод, и жестокое обращение, причем страдал он не только из-за мятежников. Вырванная из детских рук капуста. Удар в челюсть от миротворца, когда Кориолан подошел слишком близко к президентскому дворцу. А когда он свалился прямо на улице от лебединого гриппа, никто даже не остановился и тем более не помог. Хотя Тигрис и самой нездоровилось, она отыскала его той ночью и каким-то чудом довела до дома...

Кориолан смешался.

– Иногда любят, – неуверенно добавил он. Если подумать, любовь людей к детям – вещь очень непостоянная. – Я не знаю, почему...

Директор Хайботтом бросил взгляд на доктора Галл.

– Видите? Эксперимент не удался.

– Как будто Игры никто не смотрит! – огрызнулась она в ответ и одарила Кориолана снисходительной улыбкой. – Он и сам еще ребенок. Дай ему время. У меня на его счет хорошее предчувствие. Ладно, пора навестить моих зверушек. – Она похлопала Кориолана по руке и поковыляла к двери. – По большому-пребольшому секрету скажу: с нашими рептилиями происходит нечто удивительное!

Кориолан устремился за ней следом, но его остановил голос директора Хайботтома:

– Значит, твоя выходка была спланирована. Странно. Увидев тебя в клетке, я решил, что ты мечтаешь поскорее убраться оттуда.

– Я представлял себе это совсем иначе, поэтому поначалу растерялся. Опять же, мне нужно еще многому научиться.

– К примеру, не выходить за рамки дозволенного! Ты получаешь выговор за безрассудное поведение, которое могло причинить вред здоровью ученика. Твоему, кстати. Выговор занесут в личное дело.

Выговор? Что это вообще такое? Чтобы опротестовать наказание, придется полистать руководство для учащихся Академии. От размышлений Кориолана оторвал директор, который вытащил из кармана флакончик, отвинтил крышку и вытряхнул на язык три прозрачных капли.

Что бы там ни было во флаконе (вероятнее всего – морфлинг), подействовало сразу. Директор Хайботтом мигом расслабился, в глазах появилась мечтательность. Он мерзко улыбнулся.

– Три таких выговора – и ты исключен.

Глава 5

Кориолан ни разу не получал официальный выговор – репутация у него была безупречная.

– Но... – попытался возразить он.

– Иди, пока не схлопотал еще один за неповиновение, – отрезал директор Хайботтом. Спорить было бесполезно, и Кориолан подчинился.

Неужели директор и в самом деле сказал «исключен»?

Кориолан покинул Академию в растрепанных чувствах, однако всплеск всеобщего внимания его быстро утешил. Сперва одноклассники в вестибюле, потом Тигрис и Мадам-Бабушка за скромным ужином из яичницы и капустного супа, затем совершенно незнакомые люди по пути в зоопарк, куда он решил ненадолго вернуться тем же вечером, чтобы, так сказать, держать руку на пульсе.

Город наполнило мягкое оранжевое сияние заходящего солнца, прохладный ветерок прогнал удушающую дневную жару. Время посещения зоопарка продлили до девяти часов, чтобы жители Капитолия могли посмотреть на трибутов, но прямого включения больше не давали. Кориолан решил появиться на публике снова – проверить, как дела у Люси Грей, и предложить ей спеть еще одну песню. Зрителям наверняка понравится, да и телевизионщики могут вернуться.

Петляя по дорожкам зоопарка, он с удовольствием вспоминал приятные дни, которые провел там в детстве, и с грустью смотрел на пустующие клетки. Когда-то в них сидели удивительные создания – копии давно вымерших животных, выведенные в капитолийских генных лабораториях. Теперь обитателей осталось совсем мало. В пересохшей луже лежала одинокая черепаха, издавая скрипучие звуки. Среди листвы пронзительно вскрикивал облезлый тукан, свободно перелетая с дерева на дерево. Мало кому из зверей удалось пережить войну: некоторые погибли от голода, многих съели жители осажденного города. В опрокинутом мусорном баке рылась парочка тощих енотов, наверняка забредших сюда из соседнего парка. Зато крысы были буквально повсюду: гонялись друг за другом вокруг фонтанов, перебегали через дорожки, не обращая внимания на людей, и, похоже, вполне себе благоденствовали.

Ближе к обезьяннику на дорожках стало болеелюдно, возле ограды дугой выстроилась толпа человек в сто. Кто-то задел Кориолана по руке, и он узнал Липида Мальвазия, который поспешно протискивался вглубь в сопровождении оператора. Впереди поднялась суматоха, и Кориолан взобрался на валун, чтобы лучше видеть.

К своей досаде, Кориолан заметил возле клетки Сеяна с большим рюкзаком. Ментор протягивал сквозь решетку сэндвич, предлагая его трибутам. Те робели и держались в стороне. Слов было не разобрать, Сеян вроде бы пытался вручить еду Дилл, девушке из Дистрикта-11. Что он задумал? Хочет переплюнуть Кориолана и стать героем дня? Воспользовался его идеей прийти в зоопарк, да еще обставил все таким образом, что Кориолану с ним вовек не сравниться – не те средства! Неужели весь рюкзак набит сэндвичами? Девчонка из Одиннадцатого – вообще чужой трибут!

Увидев Кориолана, Сеян просветлел и помахал ему. Пробиваясь с беззаботным видом через толпу, Кориолан притягивал к себе всеобщее внимание.

– Проблемы? – поинтересовался он, осматривая рюкзак. Там были не только сэндвичи, но и свежие сливы.

– Никто из них мне не доверяет, – пожаловался Сеян. – Да и с чего бы?

К ним с важным видом подошла маленькая девочка и указала на табличку на столбе.

– Тут написано: кормить животных запрещено!

– Они не животные, – проговорил Сеян, – а такие же дети, как ты и я.

– Нет, они не такие, как я! – возразила девочка. – Они из дистриктов, поэтому в клетке им самое место!

– Опять же, как и мне, – сухо заметил Сеян. – Кориолан, ты смог бы уговорить своего трибута подойти ближе? Если она решится, может, и остальные придут. Наверное, они умирают от голода.

Кориолан раздумывал недолго. Сегодня он уже схлопотал один выговор и не хотел рисковать лишним раз. С другой стороны, выговор-то был за создание угрозы жизни ученика, а снаружи клетки опасность вроде бы им не грозила. К тому же доктор Галл – наверняка лицо более влиятельное, чем директор Хайботтом – похвалила его за инициативность. И, честно говоря, ему вовсе не хотелось делить сцену с Сеяном. Идея устроить шоу в зоопарке принадлежала ему, и главными звездами были он и Люси Грей. Кориолан слышал на заднем плане шепот Липида, дававшего указания оператору, и знал, что за ним наблюдают зрители Капитолия.

Люси Грей стояла у дальней стены, возле крана, находившегося на высоте ее колен. Девушка вымыла руки и лицо, вытерла их о подол, пригладила локоны и поправила розу за ухом.

– Я не стану вести себя с ней так, словно пришло время кормежки, – заявил Кориолан. Прежде он обращался с ней как с леди, поэтому вряд ли было разумно просовывать ей еду через прутья. – Зато могу пригласить ее поужинать.

Сеян поспешно кивнул.

– Бери, сколько надо! Ма сделала на всех. Пожалуйста!

Кориолан достал из рюкзака сэндвичи и сливы и подошел к краю обезьянника, где можно было удобно присесть на плоский камень. Ни разу в жизни, даже в худшие времена, он не выходил из дома без чистого носового платка в кармане. Мадам-Бабушка настаивала на соблюдении определенных приличий, которые помогали сдерживать хаос. В шкафу лежало множество платков, принадлежавших нескольким поколениям Сноу, – от простых до украшенных кружевом и вышивкой. Он расстелил поношенный, чуть помятый кусок белого полотна и разложил на нем еду. Пока Кориолан усаживался, к решетке медленно приблизилась Люси Грей.

– Эти сэндвичи для всех?

– Только для тебя, – ответил он.

Девушка-трибут села, подобрав под себя ноги, и взяла сэндвич. Изучив его содержимое, она осторожно откусила кусочек.

– А ты почему не ешь?

Кориолан сомневался, стоит ли рисковать. Со стороны все выглядело неплохо: ему удалось увести Люси Грей от остальных трибутов, дать ей понять, что она особенная. Но разделить с ней еду? Это уже чересчур!

– Лучше ты поешь, – проговорил он. – Силы тебе понадобятся.

– Зачем? Чтобы на арене сломать шею Джессапу? Мы оба знаем: не мое это амплуа.

От запаха сэндвича у Кориолана заурчало в животе. Толстый кусок мясного рулета на белом хлебе! Обед в Академии Кориолан пропустил, завтрак и ужин дома были весьма скудные. Капля кетчупа, стекавшего с сэндвича Люси Грей, качнула чашу весов. Он поднял второй сэндвич и впился в него зубами. Тот оказался удивительно вкусным, и Кориолан едва сдержался, чтобы не проглотить его целиком.

– Ну вот, теперь это похоже на пикник! – Люси Грей обернулась к другим трибутам, которые придвинулись ближе, но подойти не решались. – Вам тоже стоит попробовать. Очень вкусно! – объявила она. – Идем, Джессап!

Ее громадный трибут-напарник осмелел, медленно приблизился к Сеяну и взял у него из рук сэндвич. Дождавшись положенной сливы, он пошел прочь без единого слова. Остальные трибуты тут же ринулись к ограде и просунули руки между прутьев. Сеян принялся поспешно раздавать еду, рюкзак опустел буквально за минуту. Трибуты разошлись по клетке подальше

друг от друга, сгорбились и пригнули головы, чтобы защитить свою добычу, и с жадностью ее поглощали.

Единственный, кто не подошел к Сеяну, был его собственный трибут, юноша из Дистрикта-2. Он стоял в дальнем конце клетки, скрестив руки на могучей груди, и пристально смотрел на своего ментора сверху вниз.

Сеян вынул из рюкзака последний сэндвич и протянул ему.

– Марк, это для тебя. Возьми! – Марк неподвижно стоял с каменным лицом. – Ну, пожалуйста, Марк! Ты ведь ужасно голоден...

Марк смерил Сеяна презрительным взглядом и демонстративно отвернулся.

Люси Грей наблюдала за их противостоянием с большим интересом.

– Что происходит?

– В каком смысле? – не понял Кориолан.

– Точно не знаю, – ответила она, – похоже, тут личная неприязнь.

Самый мелкий трибут, который хотел убить Кориолана в грузовике, подбежал и выхватил бесхозный сэндвич. Сеян даже не попытался остановить мальчишку. Команда новостей попробовала вовлечь его в разговор, но Сеян лишь отмахнулся и исчез в толпе с пустым рюкзаком. Тогда они немного поснимали трибутов и направились к Люси Грей и Кориолану. Тот выпрямился и провел языком по зубам, вычищая остатки пищи.

– Мы снова в зоопарке с Кориоланом Сноу и его трибутом, Люси Грей Бэйрд. Какой-то ученик сейчас раздавал сэндвичи. Он тоже ментор? – Липид сунул им в лицо микрофон.

Кориолану не хотелось делиться славой, однако присутствие Сеяна могло послужить неплохой защитой. Разве станет директор Хайботтом делать выговор сыну человека, который отстроил Академию заново? Несколько дней назад ему бы и в голову не пришло, что имя Сноу имеет меньше веса, чем имя Плинта, однако распределение трибутов свидетельствовало не в его пользу. Если директор снова вызовет его на ковер, то лучше стоять перед ним в компании с Сеяном.

– Это мой одноклассник, Сеян Плинт, – пояснил Кориолан.

– Что он вытворяет? Зачем угощать трибутов такими шикарными сэндвичами? – спросил репортер. – Ясное дело, Капитолий и так их кормит.

– Вообще-то в последний раз я ела вечером накануне Жатвы! – объявила Люси Грей. – С тех пор прошло уже три дня.

– Хм. Ну ладно, тогда ешь себе на здоровье! – Липид сделал знак оператору, чтобы камера вернулась к остальным трибутам.

Люси Грей мигом вскочила и взялась руками за прутья решетки, удерживая внимание зрителей.

– Знаешь, господин репортер, что было бы неплохо? Если у людей есть лишняя еда, пусть несут ее в зоопарк. Как думаешь, интересно будет смотреть Голодные игры, если мы слишком ослабеем, чтобы сражаться?

– Пожалуй, отчасти ты права, – неуверенно ответил репортер.

– Лично я люблю сладкое. – Она одарила его улыбкой и впилась зубами в сливу.

– Ладно, тогда ладно, – пробормотал репортер и отошел.

Кориолан видел, что Липид ступил на зыбкую почву. Следует ли помогать ей выпрашивать у жителей еду? Не будет ли это выглядеть как критика Капитолия?

Команда новостей переключилась на других трибутов, и Люси Грей вновь села напротив Кориолана.

– Яхватила через край?

– Не думаю. Прости, что сам не додумался принести тебе еды!

– Ну, пока никто не видел, я жевала розовые лепестки. – Она пожала плечами. – Ты ведь не знал.

Они закончили есть в молчании, наблюдая за неудачными попытками репортера разговаривать других трибутов. Солнце зашло, и вместо него засияла восходящая луна. До закрытия зоопарка оставалось совсем недолго.

– Я тут подумал, неплохо бы тебе спеть еще что-нибудь, – предложил Кориолан.

Люси Грей откусила остатки мякоти со сливовой косточки.

– Хм-хм, может, и так. – Она утерла губы оборкой и расправила юбку. Ее привычно игривый тон уступил место более сдержанному. – Кстати, какой интерес в этом у тебя, мой ментор? Ты ведь еще школьник, верно? Что именно получишь ты? Чем больше я буду блистать, тем выше твоя оценка?

– Наверное...

Кориолану стало стыдно. Здесь, в относительном уединении, ему впервые пришлось в голову, что через несколько дней она погибнет. Разумеется, он всегда это знал, но воспринимал ее просто как участницу Игр. Как свою скаковую лошадь, как бойцовскую собаку. Но чем дольше он общался с девушкой-трибутом, тем больше замечал в ней человеческого. То же самое Сеян сказал маленькой девочке: Люси Грей – не животное, хотя она и не жительница Капитолия. Так чем же он сейчас занимается? Не зря директор Хайботтом заподозрил показуху...

– Честно говоря, понятия не имею, что я за это получу, – признался Кориолан. – Менторов вам назначили впервые. Не хочешь – не надо. Я имею в виду петь.

– Знаю, – сказала она.

Однако ему очень хотелось, чтобы Люси Грей спела.

– Если ты им понравишься, то тебе принесут больше еды. У нас дома с ней плохо.

Кориолан залился краской. С какой стати он вообще в этом признался?

– Правда? Я-то всегда думала, что у вас в Капитолии еды навалом.

Идиот, обругал себя Кориолан. Он встретился с ней взглядом и понял, что впервые с момента их знакомства Люси Грей смотрит на него с неподдельным интересом.

– Увы, нет. Особенно плохо нам пришлось во время войны. Однажды я съел полбанки томатной пасты, чтобы живот перестал болеть.

– И как тебе паста? – поинтересовалась девушка.

К своему удивлению, Кориолан расхохотался.

– Очень густая!

Люси Грей усмехнулась.

– Тебе еще повезло – я и не такое ела, чтобы хоть как-то унять голод. Учти, я с тобой вовсе не соревнуюсь!

– Конечно, нет. – Он усмехнулся в ответ. – Прости. Я найду для тебя что-нибудь поесть. Ты вовсе не обязана выступать за еду.

– Мне уже приходилось петь за ужин. К тому же не раз, – призналась она. – И петь я очень люблю.

По громкоговорителю объявили, что зоопарк закроется через пятнадцать минут.

– Мне пора. Мы увидимся завтра?

– Ты знаешь, где меня найти, – ответила она.

Кориолан поднялся и отряхнул брюки, смахнул крошки с платка и протянул его между прутьями.

– Чистый, – пояснил он. По крайней мере, ей теперь будет чем утирать лицо.

– Спасибо. Я забыла свой платок дома.

После упоминания о доме повисла неловкая пауза. Дверь, которую она никогда не откроет, близкие, которых никогда не увидит... Кориолан даже представить себе не мог, что было бы, если бы его вырвали из родного дома. Как бы он стал жить без апартаментов Сноу

– безопасной гавани, семейного оплота? Он не нашелся с ответом и просто кивнул ей на прощание.

Кориолан едва успел отойти на пару десятков шагов, как в ночном воздухе зазвенел нежный голос его трибута. Юноша замер.

В тихой долине вечерней порой
Слушай, любимый, как поезд гудит.
Поезд, любимый, поезд гудит,
Порой вечерней поезд гудит.

Публика, устремившаяся на выход, вернулась и стала слушать.

Дом построй мне, высокий дом,
Чтобы видеть всегда наперед,
Как мой любимый мимо идет,
Видеть, как любимый мимо идет.

Все умолкли – и зрители, и трибуты. Слышно было лишь песню Люси Грей и жужжание камеры, подступившей к ней совсем близко. Девушка продолжала сидеть в углу вольера, приклонив голову к решетке.

Письмо напиши мне и марку наклей,
Только, любимый, слез ты не лей.
Отправь в Капитолий, туда, где тюрьма.
Письмо в Капитолий, мой адрес – тюрьма.

Она казалась такой грустной, такой потерянной...

Розы алеют, фиалки синеют,
Птички небесные знают, любимый,
Знают, любимый, знают, о да,
Как я люблю, как люблю я тебя.

Кориолан стоял, замороженный мелодией и нахлынувшими воспоминаниями. Перед сном мать пела ему песню, где была та же самая строчка: «Розы алеют, фиалки синеют». Еще там было про любовь. На прикроватной тумбочке в его комнате стояла фотография в серебряной рамке. Красивая мама держит на руках двухлетнего сына. Они смотрят друг на друга и смеются. Как Кориолан ни пытался, он не мог вспомнить момент съемки, но эта песня ласкала его слух и вызывала воспоминания из глубин памяти. Он ощущал присутствие матери, нежный запах ее розовой пудры и чувство защищенности, обволакивавшее его каждую ночь, как теплое одеяло. Пока она не умерла. Пока через несколько месяцев после начала войны не наступила та ужасная череда дней. Пока не случился первый крупный авианалет повстанцев, обездвиживший всю столицу. У матери начались роды, и отвезти ее в больницу не было никакой возможности. Открылось кровотечение, вся постель пропиталась алым, и Мадам-Бабушка с поваром пытались ей помочь, а Тигрис еле вытащила его из комнаты. Потом мама умерла, и ребенок – его сестренка – тоже. Вскоре погиб отец, но от этой утраты мир не настолько опустел. Кориолан все еще держал в прикроватной тумбочке пудреницу матери. В трудные времена, когда ему не спалось, он открывал ее и вдыхал аромат роз, исходивший от нежной шелковой пудры. Воспоминание о том, как сильно его любили в детстве, неизменно помогало.

Бомбы и кровь. Так повстанцы убили его мать. Интересно, а как потеряла свою маму Люси Грей? «Только ее жемчужно-белые косточки». Похоже, особой любви к Дистрикту-12 девушка не испытывает и неизменно отделяет себя от него, говоря, что...

– Спасибо за помощь. – Голос Сеяна заставил Кориолана вздрогнуть. Одноклассник сидел неподалеку, скрытый валуном, и слушал песню.

Кориолан прочистил горло.

– Пустяки.

– Сомневаюсь, что другие наши одноклассники поступили бы так же, – заметил Сеян.

– Они здесь даже не появились. Это нас с тобой и отличает от них, – проговорил Кориолан. – Как тебе пришло в голову накормить трибутов?

Сеян посмотрел на пустой рюкзак у своих ног.

– С самой Жатвы я представляю себя одним из них.

Кориолан едва не рассмеялся и вдруг понял, что Сеян думает так на полном серьезе.

– Странное занятие.

– Ничего не могу поделать. – Сеян ответил так тихо, что Кориолан едва его расслышал. – Называют мое имя. Иду к помосту. Меня заковывают в кандалы. Бьют без всякой причины. И вот я в поезде – в темноте, голодный, одинокий, не считая ребят, которых должен убить. Потом меня выставляют на всеобщее обозрение, и незнакомые люди приводят своих детей, чтобы поглазеть на нас из-за решетки...

Со стороны обезьянника раздался скрип ржавых колес. По желобу спустили добрую дюжину охапок сена, которое сбилося в кучу посреди клетки.

– Смотри, вот и постель для меня, – вздохнул Сеян.

– Сеян, с тобой такого не случится! – заверил его Кориолан.

– А могло ведь. Причем легко! Не будь мы такими богатыми, я жил бы в Дистрикте-2. Учился бы в школе или работал в шахте и уж точно не избежал бы Жатвы. Видел моего трибута?

– Такого крепкого юношу сложно не заметить, – признал Кориолан. – Думаю, у него неплохие шансы на победу.

– Мой одноклассник. То есть бывший, до переезда сюда. Его зовут Марк. Не сказать, что друг, но уж точно не враг. Однажды я прищемил палец дверью – ударил как следует, так он распахнул окно, набрал пригоршню снега и принес мне. Даже не спросил у учителя, просто взял и помог.

– Думаешь, он тебя помнит? – усомнился Кориолан. – Вы были совсем маленькими. С тех пор много чего произошло.

– Еще как помнит. В нашем дистрикте Плинты люди известные. – Вид у Сеяна был огорченный. – Точнее, печально известные и глубоко презируемые.

– А теперь ты – его ментор, – сказал Кориолан.

– А теперь я – его ментор, – повторил Сеян.

Свет в обезьяннике погас. Трибуты бродили по вольеру, устраивая себе лежанки из сена. Кориолан заметил Марка возле крана: он пил воду и лил ее себе на голову. Когда он поднялся и подошел к куче сена, остальные на его фоне превратились в карликов.

Сеян пнул рюкзак.

– Он не взял мой сэндвич. Скорее отправится на арену голодным, чем примет еду из моих рук.

– Ты не виноват, – заметил Кориолан.

– Знаю. Знаю! Я настолько ни в чем не повинен, что просто задыхаюсь!

Пока Кориолан пытался понять, что же Сеян имеет в виду, в клетке вспыхнула драка. Двое трибутов не поделили охапку сена и замахали кулаками. Марк схватил обоих за шиворот

и отшвырнул в стороны, словно пару тряпичных кукол. Они пролетели несколько ярдов и рухнули на пол в нелепых позах. Не обращая больше на них внимания, Марк забрал сено себе.

– Он победит, – проговорил Кориолан. Если у него и были сомнения, демонстрация потрясающей мощи Марка отмела их напрочь. Ему вновь стало обидно, что Плинт получил самого сильного трибута. К тому же его заколебало нытье Сеяна, сетовавшего на то, что отец купил ему победителя. – Любой из нас был бы счастлив получить такого трибута.

Сеян просветлел.

– Правда? Тогда бери его, он твой!

– Ты шутишь, – не поверил Кориолан.

– Ничуть! – Сеян вскочил. – Я хочу, чтобы ты его забрал! А я возьму Люси Грей. С ней я хотя бы не знаком. Конечно, толпа ее любит, только чем это поможет на арене? Ей ни за что не победить Марка. Поменяйся со мной трибутами, выиграй и прославься! Прошу тебя, Кориолан, помоги, и я буду твой вечный должник!

На мгновение Кориолан ощутил сладость победы, приветственные крики толпы. Если он смог сделать фаворита Игр из Люси Грей, то несложно вообразить, каких успехов он добился бы с таким здоровяком, как Марк! И вообще, каковы ее шансы? Кориолан перевел взгляд на Люси Грей, забившуюся в угол возле решетки, как пойманный зверек. В сумеречном свете яркие краски поблекли, она утратила свою уникальность и превратилась в еще одно серое, покрытое синяками существо. Куда ей тягаться с другими девушками-трибутами, тем более с юношами. Мысль о ее победе над Марком выглядела смехотворно. Все равно что натравить певчую птичку на медведя гризли.

Кориолан едва не воскликнул «давай!», но прикусил язык.

Победить с Марком – так себе достижение. Не нужно иметь ни мозгов, ни таланта, ни даже особой удачливости. Победить с аутсайдером вроде Люси Грей стало бы событием поистине историческим, требующим неслыханного везения. Кроме того, что в этом задании главное? Привлечь зрителя. Благодаря Кориолану Люси Грей стала настоящей звездой, самым популярным трибутом вне зависимости от исхода Игр. Он вспомнил, как они взялись за руки в зоопарке, когда вышли навстречу публике. Они стали командой. Она ему доверяет. У него язык не повернулся бы сказать ей, что он бросает ее ради Марка. Хуже было бы только одно – сообщить об этом зрителям.

Помимо всего прочего, разве есть гарантия, что Марк станет общаться с ним лучше, чем с Сеяном? Похоже, трибут настроен игнорировать любого ментора. Кориолан выставил бы себя дураком, выпрашивая у него жалкие крохи внимания, в то время как Люси Грей выделявала бы пируэты вокруг Сеяна.

Имелось и еще одно соображение. У Кориолана было то, чего хотел Сеян Плинт, причем хотел сильно. Сеян уже узурпировал положение, наследство, одежду, сладости, сэндвичи и привилегии, полагающиеся Сноу. Теперь он нацелился на его апартаменты, на его место в Университете, на все его будущее, да еще имеет наглость обижаться на свою удачу. Если менторство над Марком делает его жизнь сплошным мучением, то пускай помучается. Не получить Сеяну Люси Грей!

– Увы, мой друг, – мягко проговорил Кориолан, – пожалуй, я оставлю ее себе.

Глава 6

Кориолан недолго наслаждался разочарованием на лице Сеяна – не к лицу ему злорадство.

– Сеян, на самом деле я делаю тебе одолжение. Представь реакцию твоего отца, если он узнает, что ты отказался от трибута, которого он для тебя подобрал!

– Мне плевать! – заявил Сеян, хотя прозвучало это неубедительно.

– Ладно, забудь про отца. Как насчет Академии? Вряд ли трибутами можно меняться. Я уже схлопотал выговор за свою инициативу с Люси Грей. А теперь еще и это! К тому же бедняжка успела ко мне привязаться. Бросить ее сейчас все равно что пнуть котенка.

– Напрасно я предложил. Прости, я вовсе не хотел осложнять тебе жизнь! Понимаешь... – И тут Сеян принялся изливать душу. – Голодные игры сводят меня с ума! Ты не задумывался над тем, что мы делаем? Загоняем детей на арену и заставляем друг друга убивать! Это же неправильно во всех смыслах! Звери своих детенышей защищают, верно? И мы тоже. Мы стараемся своих детей защищать! Такова наша человеческая сущность. Кому вообще нужны эти Игры? Они отвратительны!

– Да, приятного в них мало, – кивнул Кориолан, оглядываясь по сторонам.

– Они чудовищны! Голодные игры противоречат всему, что я считаю правильным, – со слезами на глазах проговорил Сеян. – Я просто не могу в этом участвовать. Особенно с Марком. Я должен как-нибудь отвертеться...

При виде огорчения одноклассника Кориолану стало неловко, ведь для него самого участие в Играх значило очень много.

– Попроси назначить вместо тебя другого ментора. Желающих полно.

– Нет. Я не отдам Марка никому, кроме тебя. Ты единственный, кому я доверяю. – Сеян повернулся к клетке, где трибуты уже улеглись спать. – Эх, да какая разница? Если не Марк, то кто-нибудь другой. Все равно это неправильно! – Он поднял свой рюкзак. – Пора домой. Встреча меня ждет незабываемая.

– Вряд ли ты нарушил какие-нибудь правила, – утешил Кориолан.

– Я открыто поддержал ребят из дистриктов. По мнению отца, это единственное правило, которое нарушать нельзя. – Сеян грустно улыбнулся. – Еще раз спасибо за помощь.

– А тебе – за вкуснейший сэндвич, – сказал Кориолан.

– Я передам ма твою благодарность, – пообещал Сеян. – Ей будет приятно.

Возвращение Кориолана домой несколько омрачило бабушкино неодобрение, с которым она отнеслась к пикнику с Люси Грей.

– Одно дело – накормить ее, – заявила Мадам-Бабушка. – Разделить с ней трапезу значит признать ее равной себе. Жители дистриктов – просто дикари. Твой отец имел обыкновение утверждать, будто они пьют воду лишь потому, что кровь не идет с неба. А ты, Кориолан, проигнорировал эту истину на свой страх и риск.

– Мадам-Бабушка, она ведь просто девочка, – вступилась Тигрис.

– Она из дистрикта! И уж поверь, та особа уже давно не девочка, – отрезала Мадам-Бабушка.

Кориолан с опаской вспомнил, как по дороге в зоопарк трибуты спорили, убивать его или нет. Им явно хотелось отведать его крови. И только Люси Грей была против.

– Люси Грей другая, – возразил он. – В грузовике, когда остальные хотели на меня наброситься, она встала на мою сторону. И в обезьяннике она тоже прикрывала мне спину.

Мадам-Бабушка позиций не сдавала.

– Разве стала бы она утруждаться, не будь ты ее ментором? Разумеется, нет. Эта хитрая бестия начала манипулировать тобой, едва вы встретились. Веди себя осторожней, мой мальчик.

Кориолан не стал спорить, потому что Мадам-Бабушка воспринимала все, связанное с дистриками, исключительно в черном цвете. Он отправился напрямик в постель, едва не падая от усталости, но никак не мог успокоиться. Достал из тумбочки пудреницу матери, провел пальцами по розе, выгравированной на крышке.

Розы алеют, любимый, фиалки синеют.
Птички небесные знают, как люблю я тебя...

Кориолан щелкнул замком, крышка открылась, и на него повеяло цветочным ароматом. В призрачном свете Корсо он разглядел в круглом, слегка искажающем зеркальце свои бледно-голубые глаза. «Совсем как у отца», – не уставала напоминать Мадам-Бабушка. Ему всегда хотелось, чтобы глаза у него были материны, но вслух он этого не говорил никогда. Пожалуй, и хорошо, что он похож на отца. Так или иначе, мама была слишком слаба и не смогла выжить в этом мире. С мыслями о ней Кориолан и уснул, однако в его снах пела и кружилась Люси Грей в радужном платье.

Утром Кориолан проснулся от дивного запаха. Он отправился на кухню и обнаружил, что Тигрис затеяла готовку еще до рассвета.

Он слегка сжал ее плечи.

– Тигрис, тебе нужно спать побольше.

– Я не могла уснуть – все думала о том, что происходит в зоопарке. В этом году некоторые из ребят слишком юные. Или это я слишком повзрослела.

– Да, видеть их в клетке тяжело, – признал Кориолан.

– Гораздо хуже было видеть в той же клетке тебя! – воскликнула Тигрис, надевая рукавицу и вынимая из духовки форму с пудингом. – Фабриция велела выбросить черствый хлеб, оставшийся после вечеринки, а я нашла ему применение!

Горячий хлебный пудинг, политый кукурузным сиропом, был одним из любимейших блюд Кориолана.

– Выглядит потрясающе! – восхитился он.

– Получилось с избытком, так что можешь отнести кусочек Люси Грей. Вроде она любит сладкое, а я сильно сомневаюсь, что на ее долю сладкого осталось много! – Тигрис с грохотом поставила форму на плиту. – Извини. Само вырвалось. Не знаю, что на меня нашло. Я как сжатая пружина!

Кориолан коснулся ее руки.

– Игры!.. Ты знаешь, что меня назначили ментором, и понимаешь, насколько важно мое последнее школьное задание. Ради всех нас я обязан проявить себя наилучшим образом и получить премию!

– Конечно, Корио. Конечно. Мы гордимся тобой и тем, что ты делаешь. – Тигрис отрезала большой кусок пудинга и положила на тарелку. – А теперь ешь и беги. Ты ведь не хочешь опоздать?

В Академии опасения Кориолана рассеялись окончательно: его вчерашним безрассудством восхищались почти все одноклассники, за исключением Ливии Кардью, которая обвинила его в жульничестве и недвусмысленно дала понять, что за такое следовало бы лишиться менторства. Учителя выражали одобрение менее открыто, и все же он получил несколько улыбок и похлопываний по спине.

После классного часа Сатирия отвела Кориолана в сторонку для разговора.

– Молодец! Ты порадовал доктора Галл и тем самым заслужил поддержку учителей. Она представит благоприятный отчет президенту Равинстиллу, и это хорошо скажется на всех нас. Однако впредь будь осторожен! Тебе повезло, что все так обернулось. Вдруг бы эти паршивцы напали на тебя прямо в клетке? Миротворцам пришлось бы прийти на выручку, и жертвы были бы с обеих сторон. Все могло быть совсем иначе, если бы тебе не досталась твоя радужная девушка.

– Поэтому я и отказался от предложения Сеяна поменяться трибунами, – сообщил Кориолан.

Сатирия изумленно открыла рот.

– Быть того не может! Представляю реакцию Страбона Плинта, если это выплывет наружу!

– Лучше представь, чем он будет мне обязан, если не выплывет! – Мысль пошантажировать старину Страбона Плинта имела свою привлекательность.

Сатирия рассмеялась.

– Узнаю Сноу!.. Теперь ступай в класс. Учитывая недавний выговор, твое поведение должно быть безупречно!

Двадцать четыре ментора провели все утро на семинаре профессора Криспа Демиглоса – энергичного старика, учителя истории. Класс обсуждал идеи, которые заставили бы людей смотреть Голодные игры.

– Докажите мне, что я не зря потратил на вас последние четыре года! – хихикнул профессор. – Если история чему-то и учит, так это как заставить подчиниться тех, кто того не желает.

Сеян мигом поднял руку.

– Да, Сеян?

– Прежде чем думать о том, как заставить людей смотреть, не следует ли нам задаться вопросом, вправе ли мы вообще это делать?

– Давайте не будем отклоняться от темы. – Профессор Демиглос оглядел комнату в поисках более продуктивного ответа. – Как нам привлечь зрителя?

Руку поднял Фест Крид, юноша гораздо более рослый, чем многие его ровесники. Как и Кориолан, он с самого рождения принадлежал к кругу избранных. Семья Кридов была из потомственных капитолийских богачей. Война нанесла их благосостоянию, по большей части зависевшему от добычи древесины в Дистрикте-7, серьезный удар, однако вскоре оно успешно восстановилось. Приписанный Фесту трибут довольно точно отражал его статус: высокий, но не звездный.

– Просвети же нас, Фест, – кивнул профессор Демиглос.

– Все просто. Нужно ввести карательные меры, – заявил Фест. – Вместо того чтобы предлагать людям смотреть, мы заставим их по закону!

– А что будет с теми, кто не смотрит? – спросила Клеменсия, не удосужившись и голову поднять от своих записей. К ней хорошо относились и ученики, и учителя, и ей прощалось многое.

– Жителей дистриктов будем казнить. Капитолийцев – выселять в дистрикты, а если и на следующий год не подчинятся, тоже казним, – с готовностью пояснил Фест.

Класс рассмеялся, потом все задумались всерьез. Как бы это исполнить? Нельзя же посылать миротворцев от двери к двери. Пожалуй, тут поможет случайная выборка и опрос, который позволит определить, смотрел ты Игры или нет. А каким должно быть наказание? Казнь или изгнание – это слишком. Жителей Капитолия можно лишать каких-нибудь привилегий, в дистриктах – ввести публичную порку. Личное наказание будет гораздо более эффективным, чем просто штраф.

– Проблема в том, что смотреть Игры тошно, – заметила Клеменсия.

Тут Сеян не выдержал.

– Вот именно! Кому нравится смотреть, как дети убивают друг друга? Только существам порочным и ненормальным! Может, люди и не совершенны, однако не настолько же мы плохие!

– Тебе-то откуда знать? В годы войны тебя вообще тут не было! – сердито оборвала Ливия. – Капитолийцы и без дистриктов разберутся, что смотреть, а что нет!

Сеян умолк, не в силах отрицать очевидное.

– Большинство из нас люди, в общем-то, порядочные, – протянула Лисистрата Викерс, аккуратно сложив руки на своем блокноте. Аккуратным в ней было все: от тщательно заплетенных косичек до аккуратно подпиленных ногтей и накрахмаленных белых манжет школьной блузки, оттенявших ее гладкую смуглую кожу.

– Мы видели кое-что и похуже во время войны. И после войны, – напомнил ей Кориолан. В Темные Времена в эфире транслировали всякие кровавые подробности, а после заключения «Договора с повинными в мятеже дистриктами» показывали много жестоких казней.

– Тогда нам было, зачем смотреть, Корио! – воскликнула Арахна Крейн, двинув его кулаком в бок. Какая она громкая! Апартаменты Крейнов располагались на другой стороне Корсо прямо напротив пентхауса Сноу, и иногда по ночам до него долетали ее вопли. – Мы смотрели, как умирают наши враги! Я имею в виду гнусных мятежников и прочую дрянь. А кому есть дело до этих несчастных детей?

– Наверное, их семьям, – предположил Сеян.

– Ты про жалких неудачников в дистриктах? И что? – проревела она. – Какое нам вообще дело до того, кто именно победит?

Ливия многозначительно посмотрела на Сеяна.

– Лично мне все равно.

– Мне больше по нраву собачьи бои, – признался Фест. – Особенно когда я делаю ставки.

– Значит, тебе понравился бы и тотализатор на Играх, – пошутил Кориолан. – Тогда бы ты стал смотреть?

– Ха, вот тогда бы я здорово развлекся! – воскликнул Фест.

Раздались смешки, потом класс притих, обдумывая новую идею.

– Какая гадость, – сказала Клеменсия, рассеянно накручивая на палец прядь волос. – Ты предложил всерьез? Думаешь, нам нужно делать ставки на то, кто победит?

– Да нет, – проговорил Кориолан, затем склонил голову набок. – С другой стороны, если это удастся, то почему бы нет, Клемми? Я хочу войти в историю как тот, кто принес в Голодные игры азарт!

Клеменсия с негодованием покачала головой. Впрочем, по пути в столовую Кориолан не мог отделаться от мысли, что у идеи богатый потенциал.

Повара все еще готовили из остатков угощения на Жатву, и поджаренную ветчину на тосте ученикам предстояло есть до самого конца учебного года. Кориолан смаковал каждый кусочек, в отличие от дня церемонии, когда смутные угрозы директора Хайботтома привели его в такое смятение, что он почти не чувствовал вкуса блюд.

После второго завтрака менторам велели собраться на верхней галерее Хевенсби-холла в ожидании первой встречи с трибутами. Каждому вручили короткий опросник для совместного заполнения – и беседу завязать легче, и сведения собрать. По предыдущим трибутам информации было совсем мало, поэтому организаторы решили хоть как-то восполнить пробелы. Когда их повели на встречу, многие ученики изрядно нервничали, разговаривали и шутили слишком громко. Зато Кориолан обеспечил себе преимущество. Он чувствовал себя совершенно спокойно, и ему даже хотелось повидать Люси Грей снова. Поблагодарить за песню. Передать хлебный пудинг от Тигрис. Разработать стратегию для интервью.

Голоса смолкли, когда менторы протиснулись сквозь двойную дверь и увидели, что ждет их внизу. Все праздничные украшения сняли, огромный зал выглядел внушительно и неприветливо. Ровными рядами разместили двадцать четыре столика с двумя складными стульями

при каждом. На столах поставили таблички с номерами дистриктов и буквами «Ю» или «Д», под ними – по бетонному блоку с металлическим кольцом наверху.

Не успели ученики обсудить обстановку, как миротворцы встали на страже у главного входа, и внутрь завели вереницу пленников. Миротворцев было всего в два раза больше, но вряд ли трибуты решились бы напасть, учитывая тяжелые кандалы, которые скрепляли их запястья и лодыжки. Вскоре трибутов рассадили в соответствии с их дистриктом и полом, затем приковали к бетонным блокам.

Некоторые сидели понуро сгорбившись, более дерзкие задирали головы и с любопытством осматривали помещение. Это был один из самых впечатляющих залов в Капитолии, и отребье из дистриктов разинуло рты, потрясенное величием мраморных колонн, арочных окон, сводчатого потолка. Вероятно, Хевенсби-холл казался им чудом по сравнению с плоскими, уродливыми зданиями, выполненными в типичном для многих дистриктов архитектурном стиле. Наконец взгляды трибутов добрались до галереи, на которой стояли менторы, и обе группы замерли.

Профессор Серп громко хлопнула дверью, и менторы подскочили от неожиданности.

– Прекратите глазеть на своих трибутов и спускайтесь к ним! – велела она. – У вас всего пятнадцать минут, так что используйте их с умом. И помните, вам нужно как следует постараться и заполнить опросники.

Кориолан первым сошел по ступеням, которые вели в зал. Встретившись взглядом с Люси Грей, он понял, что она его ждала. Видеть ее в цепях было тягостно, однако Кориолан ободряюще улыбнулся, и девушка-трибут немного успокоилась.

Сев напротив, Кориолан нахмурился при виде ее скованных рук и жестом подозвал ближайшего миротворца.

– Не могли бы вы их снять?

Миротворец был так любезен, что справился у офицера возле двери, потом отрицательно покачал головой.

– Спасибо, что хотя бы попытался, – вздохнула Люси Грей. Она заплела волосы в красивую прическу, но лицо у нее было грустное и усталое, и на скуле все еще темнел синяк. Она заметила взгляд Кориолана и коснулась щеки. – Совсем плохо, да?

– Уже заживает, – успокоил он.

– Зеркала нам не дали, могу лишь представить, на кого я сейчас похожа. – Она не потрудилась надеть маску жизнерадостности, в которой блистала перед камерами, и отчасти Кориолана это радовало. Может быть, она начала ему доверять.

– Как ты?

– Мне страшно, хочется спать и есть, – ответила Люси Грей. – Сегодня утром всего пара человек заглянула в зоопарк, чтобы нас покормить. Мне досталось яблоко, чего не скажешь об остальных, только им особо не насытишься.

– Это легко исправить. – Кориолан достал из сумки сверток Тигрис.

Люси Грей осторожно развернула вощеную бумагу и обнаружила большой кусок хлебного пудинга. Внезапно ее глаза наполнились слезами.

– О, нет! Ты не любишь пудинги? – воскликнул Кориолан. – Я попробую достать для тебя что-нибудь другое...

Люси Грей покачала головой.

– Обожаю пудинги! – Она с трудом сглотнула, отломил кусочек и сунула в рот.

– Я тоже. Он свежий – моя кузина Тигрис приготовила с утра пораньше.

– Какой вкусный! Совсем как у моей мамы. Пожалуйста, передай Тигрис от меня большое спасибо. – Люси Грей откусила еще, продолжая бороться со слезами.

Кориолан ощутил щемящую жалость. Ему хотелось погладить ее по лицу и сказать, что все наладится. Увы, это было бы неправдой. Ничего уже не наладится. Он порылся в заднем кармане и протянул носовой платок.

– У меня еще тот остался...

– Бери, у нас их целый комод.

Люси Грей промокнула глаза, вытерла нос, глубоко вдохнула и расправила плечи.

– Итак, какой у нас план на сегодня?

Кориолан достал лист бумаги.

– Мы с тобой должны заполнить эту анкету. Ты не против?

– Ничуть. Обожаю рассказывать о себе, – призналась она.

В начале шли общие сведения. Имя, адрес в дистрикте, дата рождения, цвет волос и глаз, рост и вес, физические недостатки. Сложности начались с составом семьи. Родители Люси Грей и двое их старших детей были мертвы.

– У тебя вообще кто-нибудь остался? – спросил Кориолан.

– Пара кузин и кузенов. И остальные из нашего ансамбля. – Она склонилась над анкетой. – Для них тут есть место?

Для них места не было. Хотя это следовало бы учесть, ведь война разрушила много семей. Должно быть место для любого, кому ты дорог! Пожалуй, именно с этого вопроса и нужно начать: кому ты дорог? Или лучше так: на кого ты можешь рассчитывать?

– Замужем? – Кориолан рассмеялся, потом вспомнил, что в некоторых дистриктах в брак вступают рано. Кто знает? Вдруг дома в Двенадцатом у нее есть муж.

– А что? Хочешь предложить мне руку и сердце? – серьезно спросила Люси Грей. Он уставился на нее изумленно. – Думаю, у нас с тобой могло бы получиться.

От ее подначки Кориолан слегка покраснел.

– Ты могла бы сделать куда более выгодную партию!

– Увы, не успела. – Лицо девушки-трибута исказилось от боли, которую она тут же спрятала за улыбкой. – К тебе-то наверняка девушки выстраиваются в очередь за квартал!

От ее флирта Кориолан словно язык проглотил. На чем они остановились? Он посмотрел на анкету. Ах, да. Ее семья.

– Кто тебя вырастил? Я имею в виду после того, как ты потеряла родителей.

– За небольшую плату нас приютил один старик. Он не очень докучал с воспитанием, зато и не издевался, так что могло быть и хуже. Я ему даже благодарна. Мало кому хотелось брать к себе шестерых детей. Он был шахтер, умер в прошлом году от болезни легких.

Они перешли к роду занятий. В шестнадцать лет Люси Грей было еще рано работать в шахте, но школу она тоже не посещала.

– Я зарабатываю на жизнь, развлекаю людей.

– Люди платят тебе, чтобы ты... пела и танцевала? – уточнил Кориолан. – Не думал, что жители дистриктов могут себе это позволить.

– Большинство не могут, – кивнула она. – Иногда они скидываются: две или три пары женятся в один день и приглашают нас. Меня и наш ансамбль, точнее, то, что от него осталось. Миротворцы позволили оставить музыкальные инструменты, когда задержали нас на границе дистрикта. Кстати, они – наши лучшие клиенты.

Кориолан вспомнил, как миротворцы старались не улыбаться во время Жатвы, как никто не мешал Люси Грей петь и танцевать. Он сделал пометку о ее работе, на чем анкета закончилась, хотя вопросов у него самого осталось множество.

– Расскажи мне про ваш ансамбль. Чью сторону вы заняли во время войны?

– Ничью. Мои близкие не занимают сторон. Мы – сами по себе. – Вдруг ее внимание привлекло что-то у него за спиной. – Напомни, как зовут твоего друга, который принес сэндвичи? Похоже, ему сейчас нелегко.

– Ты про Сеяна? – Кориолан обернулся через плечо и посмотрел туда, где через несколько столов Сеян сидел напротив Марка. Между юношами лежали нетронутые сэндвичи с ростбифом и пирог. Сеян умоляюще что-то говорил, Марк не мигая смотрел перед собой, скрестив руки на груди, и никак не реагировал.

У других менторов дела шли ненамного лучше. Трибуны закрывали лица и отказывались общаться. Некоторые плакали, некоторые неохотно отвечали на вопросы.

– Пять минут, – объявила профессор Серп.

Кориолан вспомнил, что еще им надо обсудить.

– Вечером накануне Игр на телевидении будет пятиминутное интервью, на котором мы сможем делать все, что захотим. Как насчет еще одной песни?

Люси Грей задумалась.

– Стоит ли? Та песня, что я спела на Жатве, не имеет к вам никакого отношения. Специально я не готовилась, все вышло спонтанно. Это часть длинной и печальной истории, до которой никому, кроме меня, нет дела.

– Ты задела зрителей за живое, – заметил Кориолан.

– А песню про долину я спела, как ты предложил, чтобы получить побольше еды.

– Красивая песня, – проговорил Кориолан. – Она напомнила мне о маме и ее песне... Мама умерла, когда мне было пять лет.

– А папа у тебя есть?

– Его я тоже потерял, в том же году.

Люси Грей сочувственно кивнула.

– Значит, ты, как и я, сирота.

Кориолан не любил это слово. В детстве Ливия дразнила его за то, что он остался без родителей, и он чувствовал себя одиноким и никому не нужным, хотя это было неправдой. Тем не менее он ощущал некую пустоту, о которой другие дети не догадывались. Люси Грей, сама сирота, прекрасно его понимала.

– Могло быть и хуже. У меня есть Мадам-Бабушка, как мы ее называем. И Тигрис.

– Скучаешь по родителям?

– С отцом мы были не очень близки. А вот с мамой... Да, конечно. А ты?

– Еще бы! Я скучаю по ним обоим. Единственное, что помогает мне сейчас не падать духом, – мамино платье. – Люси Грей провела рукой по оборкам. – Как будто она сама меня обнимает...

Кориолан вспомнил о пудренице своей матери.

– Моя мама всегда пахла розами, – сообщил он и смутился. Он редко говорил о матери вслух, даже дома. Почему об этом вообще зашел разговор? – В любом случае, по-моему, твоя песня тронула многих людей.

– Спасибо, конечно, однако это не повод петь во время интервью. Если оно будет вечером перед Играми, то еда мне больше не понадобится. Значит, завоевывать симпатии зрителей уже ни к чему.

Кориолан изо всех сил пытался отыскать нужный аргумент, но от ее пения на данном этапе выиграл бы только он.

– Очень жаль, с твоим-то голосом.

– Я спою тебе за кулисами, – пообещала она.

Придется постараться, чтобы ее убедить, понял Кориолан. Оставшиеся несколько минут он позволил Люси Грей расспрашивать себя о семье и том, как они пережили войну. Говорилось ему легко. Очень скоро все его откровения сгинут на арене вместе с ней.

Люси Грей заметно приободрилась и больше не плакала. По мере того как они узнавали друг друга, общение становилось все более непринужденным. Когда раздался свисток, возве-

стивший конец встречи, Люси Грей аккуратно положила платок в карман сумки для книг и с благодарностью сжала руку Кориолана.

Менторы послушно направились к выходу.

– Теперь идите в Лабораторию высшей биологии для разбора полетов, – велела профессор Серп.

У нее ученики спрашивать ничего не стали, но по пути все гадали, что там будет. Кориолан надеялся, что их ждет доктор Галл. Его прилежно заполненная анкета резко выделялась на фоне жалких попыток одноклассников справиться с заданием. Еще один шанс отличиться.

– Мой трибут ни слова не сказал! – воскликнула Клеменсия. – Все, что у меня есть, я узнала из Жатвы. Его зовут Рипер, то есть Жнец по-старому. Можете себе представить такое – вы называете ребенка Жнец, а потом его ждет настоящая Жатва?

– Когда он родился, Голодных игр еще не было, – заметила Лисистрата. – Тогда жатва означала всего лишь уборку урожая.

– Пожалуй, – кивнула Клеменсия.

– А мой трибут говорила, но такое... Лучше бы уж помолчала! – пронзительно выкрикнула Арахна.

– Почему? Что она сказала? – поинтересовалась Клеменсия.

– Похоже, большую часть времени в Дистрикте-10 она занималась забоем собак. – Арахна изобразила рвотный позыв. – Фу! И что мне делать с этими ценными сведениями? Прямо хоть самой за нее сочиняй ответы. – Она резко остановилась, и Кориолан с Фестом врезались ей в спину. – Погодите! Вот оно!

– Эй ты, поосторожнее! – Фест подтолкнул девушку вперед.

Арахна отмахнулась и продолжила трещать, требуя всеобщего внимания:

– Я могу сочинить чудную историю! Знаете, ведь я бывала в Дистрикте-10. Он мне как второй дом! – До войны ее семья занималась отелями класса люкс на курортах, и Арахна объездила практически весь Панем. Она постоянно хвалилась этим, хотя в Темные Времена никуда не выезжала из Капитолия, как и прочие жители столицы. – Получилось бы гораздо интереснее, чем перипетии будней на скотобойне!

– Повезло тебе, – вздохнул Плиний Харрингтон. Все называли его Щенок, чтобы не путать с отцом – командиром флота, который охранял территориальные воды в Дистрикте-4. Плиний-старший пытался слепить сына по своему подобию, настаивая на армейской стрижке и начищенной обуви, но Щенок был прирожденным неряхой. Он выковырял ногтем большого пальца кусочек ветчины из брекетов и щелчком отбросил на пол. – Она хотя бы крови не боится.

– А что, твоя боится? – спросила Арахна.

– Без понятия. Проплакала все пятнадцать минут. – Щенок скривился. – Сомневаюсь, что в Дистрикте-7 ее научили хотя бы с заусенцами справляться, не говоря уже о Голодных играх.

– Не забудь застегнуться, пока в класс не вошли, – напомнила ему Лисистрата.

– Ах да. – Щенок взялся за верхнюю пуговицу, и она оторвалась. – Дурацкая форма!

Радость Кориолана при встрече с доктором Галл омрачило присутствие директора Хайботтома, который расположился перед столом, перебирая анкеты. Кориолана он проигнорировал, однако к другим ученикам тоже отнесся весьма прохладно.

Доктор Галл тыкала кролика-переродка прутом до тех пор, пока все не расселись по местам, потом воскликнула:

– Прыг-скок, час потех! Вам сопутствовал успех? Вы с трибунтами дружны или вовсе не нужны? – Ученики обменялись смущенными взглядами. – Для тех из вас, кто не знает, я – доктор Галл, Главный распорядитель Игр, и я буду наблюдать за вашими успехами в качестве менторов. Давайте поглядим, с чем мне придется иметь дело! – Она полистала анкеты, нахму-

рилась, вынула из пачки листок и показала его классу. – Вот что вы должны были сделать! Спасибо, мистер Сноу. А теперь объясните, что приключилось с остальными?

Ликуя в душе, Кориолан сохранял бесстрастное выражение лица. Сейчас самое разумное – поддержать одноклассников. Выдержав долгую паузу, он заговорил:

– Мне повезло с трибутом – она любит поболтать. Другие просто не желали ни с кем общаться. И даже моя девушка не видит смысла в том, чтобы напрягаться на интервью.

Сеян повернулся к Кориолану.

– Какой им с этого прок? Что бы они ни делали, их все равно отправят на арену и заставят убивать.

Ученики согласно загудели.

Доктор Галл пристально посмотрела на Сеяна.

– Мальчик с сэндвичами. Для чего ты это сделал?

Сеян напрягся и отвел глаза.

– Они голодали. Мы собираемся их убить, так зачем пытаться раньше времени?

– Сочувствуешь мятежникам, значит?

Не поднимая глаз от своего блокнота, Сеян возразил:

– Вряд ли они мятежники. Когда закончилась война, некоторым из них было года по два. Самым старшим – по восемь лет. Теперь они – жители Панема, верно? Такие же, как мы. Разве не об этом говорится в гимне Капитолия? «Пресёк ты бесчинства и дал нам единство». Правительство у нас одно на всех, правда?

– Да, общий смысл таков. Продолжай, – велела доктор Галл.

– Тогда правительство должно защищать всех, – заявил Сеян. – А как и кого можно защитить, заставляя детей биться насмерть?

– Очевидно, Голодные игры ты не одобряешь, – проговорила доктор Галл. – Тяжело тебе приходится в роли ментора. Похоже, и на задании это сказывается.

Сеян выпрямился, набираясь решимости, и посмотрел ей в глаза.

– Наверное, вам лучше заменить меня кем-нибудь более достойным.

Ученики потрясенно ахнули.

– Только не в этой жизни, мой мальчик, – усмехнулась доктор Галл. – Сострадание – вот ключ к успеху! Нам всем не хватает чувства сопричастности. Верно, Каска? – Она бросила взгляд на директора Хайботтома, который нервно вертел в руках карандаш.

Лицо Сеяна вытянулось, однако возразить он не посмел. Кориолан понял, что, уступив в битве, он намеревается продолжать войну. Сеян Плинт оказался куда крепче, чем выглядел на первый взгляд. У него хватило духу вот так запросто пренебречь менторством в присутствии доктора Галл!

Похоже, инцидент ее только взбодрил.

– Разве не чудесно будет, если все зрители отнесутся к трибутам столь же пылко, как и этот молодой человек? Вот в чем наша цель.

– Нет, – покачал головой директор Хайботтом.

– Да! Ведь тогда нам удастся привлечь их к Играм, – решительно сказала доктор Галл, потом хлопнула себя по лбу. – Ты подал мне прекрасную идею! Пусть люди получают возможность влиять на исход Игр. Допустим, мы позволим зрителям посылать трибутам еду прямо на арену. Кормить их, как сделал наш друг в зоопарке. Испытают ли они азарт?

Фест заметно оживился.

– Ну да, особенно если мне дадут поставить на того трибута, которого я кормлю! Как раз сегодня утром Кориолан предложил устроить на Играх тотализатор.

Доктор Галл просияла.

– Браво! Предлагаю вам объединить усилия. Запишите свои идеи о том, как привлечь зрителей, и моя команда их рассмотрит.

– Рассмотрит? – переспросила Ливия. – Вам что, и вправду могут пригодиться наши идеи?

– Если предложение будет достойное, то почему нет? – Доктор Галл бросила стопку анкет на стол. – Молодым порой не хватает опыта, зато есть преданность идеалам. Для них нет ничего невозможного. Старина Каска придумал Голодные игры, когда был моим студентом в Университете, то бишь почти вашим ровесником.

Все взгляды обратились к директору, и он произнес:

– Это была просто идея...

– От них я тоже жду просто идей, – заверила доктор Галл. – Итак, жду ваших предложений завтра утром.

Кориолан мысленно вздохнул. Еще один групповой проект. Еще одна возможность пожертвовать своими идеями во имя сотрудничества. Либо их перекроют целиком, либо, что еще хуже, упростят настолько, что они потеряют всякую остроту. Класс проголосовал за создание комитета из трех менторов, которые все оформят должным образом. Разумеется, Кориолана выбрали, и отказаться он не смог. Доктор Галл спешила на встречу и велела классу провести обсуждение самостоятельно. Кориолан, Клеменсия и Арахна договорились встретиться вечером и пойти в библиотеку, чтобы там все и написать. Перед этим, часов в восемь, они решили заглянуть в зоопарк, поскольку всем хотелось навестить своих трибутов.

Обед в школе был сытный, поэтому Кориолан не чувствовал себя обделенным, оставшись без домашнего капустного супа и тарелки красной фасоли (хорошо хоть не лимской). Тигрис налила остатки первого в изящную фарфоровую миску и украсила ароматными травами, которые они выращивали в садике на крыше. При таком изысканном оформлении скромный супчик можно было спокойно предложить Люси Грей. Что же касается фасоли, то она неплохо утоляет голод.

Утром в зоопарк посетителей пришло мало, зато теперь они хлынули таким потоком, что к решетке было не пробиться. Помог новый статус. Люди узнавали Кориолана, пропускали вперед и даже просили других освободить дорогу. Ведь он был не обычным жителем Капитолия, а ментором!

Кориолан направился в свой угол и увидел, что близнецы Полло и Диди Ринг расположились на его камне. Мало того, что брат и сестра были похожи как две капли воды, они еще и одевались в одинаковую одежду, делали одинаковые прически, и оба отличались жизнерадостным характером. При виде Кориолана они тут же встрепенулись.

– Садись, Корио! – воскликнула Диди, помогая брату подняться.

– Конечно, ведь мы уже закончили кормить своих трибутов, – подхватил Полло. – Жаль, что ты так влип с этим письменным заданием!

– Да, мы-то голосовали за Щенка, но никто нас не поддержал! – Они захохотали и скрылись в толпе.

Люси Грей подошла сразу. Хотя на этот раз Кориолан не стал есть с ней вместе, она с радостью набросилась на фасоль, сначала похвалив подачу блюда.

– Тебе перепало что-нибудь из еды? – спросил он.

– Мне досталось черствое сырное колечко от пожилой леди, другие ребята подрались за хлеб, который бросил в клетку какой-то господин. Хотя еду принесли многие, по-моему, люди боятся подходить близко, несмотря на миротворцев. Видишь, теперь они дежурят прямо здесь. – Люси Грей указала на заднюю часть вольера, где на страже стояло четверо солдат. – Может, твое присутствие их немного успокоит.

Кориолан заметил в толпе мальчика лет десяти, топтавшегося на месте с вареной картошкой в руках, подмигнул и поманил его рукой. Мальчик посмотрел на своего отца, тот кивнул в знак согласия.

– Ты принес эту картошку для Люси Грей? – спросил Кориолан.

– Да. Специально оставил. Я бы съел ее на ужин, но мне хотелось покормить Люси Грей.
– Тогда смелей. Она не кусается! Только чур вести себя прилично!

Мальчик застенчиво шагнул к решетке.

– Ну, привет, – сказала Люси Грей. – Как тебя зовут?

– Гораций, – ответил мальчик. – Я принес картошку.

– Какой ты милый! Мне съесть ее сейчас или можно потом?

– Сейчас! – Мальчик осторожно протянул ей картофелину.

Люси Грей взяла подношение с таким видом, словно то был бриллиант.

– Вот это да! Какая славная картошка, никогда таких не видела! – Мальчик даже покраснел от гордости. – Сейчас попробую. – Она откусила кусочек, закрыла глаза и замерла от восторга. – И на вкус чудо как хороша. Спасибо, Гораций!

Под прицелом камер Люси Грей получила засохшую морковку от маленькой девочки и суповую кость от ее бабушки.

Кто-то тронул Кориолана за плечо, он обернулся и увидел Плюриба Белла с баночкой молока.

– По старой дружбе, – пояснил он с улыбкой, пробивая в крышке дырочки, и протянул угощение Люси Грей. – Мне понравилось твоё выступление на Жатве. Песню написала сама?

Более сговорчивые (или же более голодные) трибуты начали устраиваться у решетки. Они садились на землю, протягивали ладони, опускали головы и ждали. То там, то тут к ним подбегали посетители, чаще всего дети, клали подношение в руки и отпрыгивали. Трибуты стали соревноваться за внимание, и камеры нацелились на центр клетки. Гибкая девочка из Дистрикта-9 сделала сальто назад в благодарность за булочку. Юноша из Дистрикта-7 ловко жонглировал тремя грецкими орехами. Публика награждала тех, кто исполнял какие-нибудь трюки, аплодисментами и едой.

Люси Грей с Кориоланом вернулись на свое место для пикника и наблюдали за представлением.

– Мы – обычная цирковая труппа, – заметила она, обглаживая косточку.

– Никто из них тебе в подметки не годится, – заверил Кориолан.

Трибуты, которые прежде избегали своих менторов, теперь охотно к ним подходили и брали еду. Когда появился Сеян с сумками вареных яиц и хлеба, к нему мигом бросились все, кроме Марка. Видимо, тот взял за правило полностью его игнорировать.

Кориолан кивнул в их сторону.

– Ты была права насчет Сеяна и Марка. Когда-то они учились в одном классе.

– Да, ситуация непростая. Хорошо, что у нас с тобой таких сложностей нет.

– Зато других хоть отбавляй! – Он хотел пошутить, но вышло неудачно. У них и в самом деле было все сложно, и с каждой минутой ситуация становилась только тяжелее.

Люси Грей грустно улыбнулась.

– Знаешь, я с удовольствием встретила бы с тобой при других обстоятельствах.

– Это при каких же? – Вопрос был опасный, однако Кориолан ничего не мог с собой поделать.

– Ну, ты мог бы прийти ко мне на концерт и услышать, как я пою. Потом подошел бы поболтать, и, может быть, мы выпили бы по стаканчику и потанцевали.

Он представил, как Люси Грей выступает в ночном клубе у Плюриба Белла, они встречаются взглядами, и между ними возникает некая невидимая связь.

– На следующий вечер я пришел бы снова.

– Да, и времени у нас было бы сколько угодно, – добавила она.

Их мечты прервал громкий восторженный возглас. Трибуты из Дистрикта-6 заплясали веселый танец, и с подачи близнецов Рингов зрители принялись хлопать в ладоши. Происхо-

дящее все более напоминало какой-то праздник. Толпа отважилась подойти ближе, некоторые капитолийцы начали разговаривать с пленниками.

Кориолан считал, что события развиваются неплохо, ведь для прайм-тайма на телевидении интервью с одной Люси Грей явно маловато. Пусть остальные трибуты тоже получают свой момент славы, а под конец Люси что-нибудь споет. Тем временем он рассказал ей про совещание менторов и объяснил, насколько ее популярность пригодится на арене, ведь теперь у зрителей будет возможность посылать трибутам подарки.

В глубине души Кориолан опять переживал из-за своих скудных ресурсов. Понадобятся состоятельные зрители, которые смогут покупать для нее подарки. Нехорошо получится, если на арене трибут Сноу ничего не получит. Пожалуй, стоит внести в их предложение для доктора Галл пункт, в соответствии с которым нельзя посылать подарки собственному трибуту. Иначе он не сможет соперничать с тем же Сеяном, к примеру. Вот, пожалуйста, возле решетки Арахна устроила для своего трибута настоящий пикник: свежий хлеб, кусок сыра и... неужели виноград? Наверное, в туриндустрии дела снова идут на лад.

Кориолан наблюдал, как Арахна нарезает сыр ножиком с перламутровой рукояткой. Ее трибут, разговорчивая девушка из Дистрикта-10, присела на корточки и нетерпеливо прильнула к решетке. Арахна сделала большой сэндвич, но отдавать его не спешила. Похоже, она читала нравоучение, причем весьма пространное. В какой-то момент девушка потянулась за едой, и Арахна убрала руку подальше. В толпе раздался смех. Ментор обернулась к зрителям и хихикнула, затем погрозила своему трибуту пальцем, протянула ей сэндвич и снова одернула руку, к большому удовольствию толпы.

– Она играет с огнем, – заметила Люси Грей.

Арахна помахала толпе и откусила от сэндвича.

Кориолан увидел, как потемнело лицо трибута, как напряглись мускулы на ее шее. Он заметил и еще кое-что. Девушка-трибут просунула пальцы через решетку, выбросила руку вперед и обхватила рукоятку ножа. Кориолан начал подниматься, открыл рот, чтобы крикнуть предупреждение, но было слишком поздно.

Буквально в один миг трибут дернула Арахну к себе и полоснула ножом ей по горлу.

Глава 7

Зрители пронзительно завопили. Арахна выронила сэндвич и схватилась за шею. Сквозь пальцы хлынула кровь. Девушка-трибут из Десятого отпустила жертву и легонько оттолкнула. Арахна повернулась к толпе и умоляюще протянула окровавленную руку. Люди слишком растерялись, чтобы прийти ей на помощь. Многие испуганно подались назад. Арахна упала на колени, истекая кровью.

Кориолан едва не шарахнулся в сторону и не вцепился в решетку вольера, но Люси Грей прошипела: «Помоги же ей!» Он вспомнил, что камеры транслируют происходящее на весь Капитолий. Кориолан понятия не имел, как помочь Арахне, однако ему не хотелось, чтобы зрители видели, как он шарахается и цепляется за прутья. Его ужас был делом сугубо личным, не предназначенным для публики.

Сцепив зубы, он заставил свои ноги двигаться и подоспел к Арахне одним из первых. Она вцепилась в его рубашку мертвеющими пальцами, теряя жизнь с каждой каплей крови.

– Врача! – крикнул Кориолан, бережно опуская девушку на землю. – Здесь есть доктор? Помогите, хоть кто-нибудь! – Он зажал рану рукой, но потом отпустил, потому что Арахна задыхалась. – Ну же! – завопил он на зрителей.

Сквозь толпу пробивалась пара миротворцев, только двигались они медленно, слишком медленно. Кориолан поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка-трибут из Дистрикта-10 схватила сэндвич с сыром и успела яростно впиться в него зубами, прежде чем пули изрешетили ее и отбросили на решетку. Она рухнула на землю, и ее кровь смешалась с кровью Арахны. Куски недожеванного хлеба плавали в красной луже.

Толпа отхлынула – охваченные паникой люди спешили покинуть место происшествия. Угасающий свет добавлял происходящему обреченности. Маленький мальчик споткнулся, и на него едва не наступили прежде, чем какая-то женщина успела рывком его поднять. Другим повезло еще меньше.

Губы Арахны беззвучно двигались, однако слов было не разобрать. Дыхание девушки резко оборвалось, и Кориолан понял, что пытаться ее реанимировать не имеет смысла. Если вдыхать воздух в рот, тот все равно будет уходить через зияющую на шее рану. Рядом с ним очутился Фест, и они обменялись беспомощными взглядами.

Люси Грей скорчилась у решетки: лицо спрятано в подол юбки с оборками, тело трясется, и Кориолан заметил, что его самого тоже бьет дрожь. Омовение кровью, свист пуль, крики толпы пробудили самые страшные воспоминания детства. Сапоги повстанцев стучат по мостовым Капитолия, он и Мадам-Бабушка лежат на земле под градом пуль, вокруг них корчатся раненные и умирающие... мама на окровавленной постели... давка во время голодных бунтов, разбитые лица, стоны...

Кориолан немедленно принял меры, чтобы скрыть охвативший его ужас: сжал кулаки, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Люси Грей начало тошнить, и он поскорее отвернулся, боясь, что его подведет собственный желудок.

Подоспели медики и уложили Арахну на носилки. Тех, кто попал под случайную пулю или пострадал при давке, осмотрели. Женщина-медик спросила Кориолана, куда он ранен. Убедившись, что кровь не его, врач выдала ему полотенце, чтобы вытереться, и двинулась дальше.

Тем временем Сеян встал на колени рядом с мертвой девушкой-трибутом, посыпал тело чем-то белым, просунув руку через решетку, и что-то прошептал. Подошел миротворец и оттащил его от вольера. Солдат теперь набежало много, они методично выпроваживали последних посетителей и выстраивали трибутов у задней стенки обезьянника. Другой миротворец вежливо, но решительно взял Кориолана за плечи и подтолкнул к выходу. У фонтанчика он и

Фест остановились, чтобы смыть остатки крови. Оба не знали, что сказать. Хотя особой любви к Арахне Кориолан не испытывал, она всегда присутствовала в его жизни. В детстве они вместе играли, ходили на дни рождения, стояли в очередях за продуктами по карточкам, сидели на уроках. На похороны его матери она пришла с ног до головы одетая в черное кружево, а он в прошлом году явился поздравить ее брата с окончанием Академии. Арахна принадлежала к старой гвардии богатых капитолийцев и была для него как член семьи. Любить родственников вовсе не обязательно – они просто есть.

– Я не смог ее спасти, – проговорил Кориолан. – Я не смог остановить кровь!

– Никто бы не смог. Ты хотя бы попытался, – утешил его Фест.

Подошла дрожащая Клеменсия, и они вместе покинули зоопарк.

– Пойдемте ко мне, – предложил Фест.

У дома он внезапно разрыдался. Они посадили его в лифт и ушли. Позже, прощаясь с Клеменсией, Кориолан вспомнил про задание, которое дала им доктор Галл.

– Вряд ли теперь стоит за него садиться, – сказала Клеменсия, – знаешь, без Арахны...

Кориолан кивнул, однако по пути домой задумался. Доктор Галл была как раз из тех, кого станет наказывать их за то, что не уложились в срок, причем независимо от обстоятельств. Пожалуй, надо хоть что-нибудь написать, просто на всякий случай.

Поднявшись на двенадцатый этаж, он обнаружил Мадам-Бабушку в расстроенных чувствах: она всячески поносила дистрикты и, готовясь к похоронам Арахны, вытаскивала проветривать свое лучшее черное платье. Старушка бросилась ему навстречу и судорожно ощупала грудь и руки, желая убедиться, что он не пострадал. Тигрис заплакала.

– Поверить не могу, что Арахна мертва! Мы виделись сегодня на рынке – она покупала тот самый виноград...

Кориолан постарался убедить родных в своей безопасности.

– Такого больше не случится! Теперь охрану наверняка усилят.

Когда все немного успокоились, Кориолан пошел к себе в комнату, снял окровавленную школьную форму и отправился в душ. Стоя под обжигающими струями воды, он вдруг горько разрыдался – до боли в груди. А потом взял себя в руки, гадая, что именно так его расстроило: ее смерть или собственные неурядицы? Пожалуй, и то, и другое. Уснуть не удастся – в ушах стояли булькающие звуки, которые вырывались из горла несчастной Арахны. Никакая розовая пудра с этим точно не справится. Самое то – забыться в учебе, тем более он любил работать в одиночку, не отвлекаясь на нелепые идеи одноклассников. Надев старый отцовский шелковый халат, Кориолан спокойно написал простое толковое предложение.

Вспоминая обсуждение в классе и ажиотаж зрителей в зоопарке, когда те кормили голодных трибутов, он сосредоточился на еде. Спонсоры получают возможность покупать продукты из списка (к примеру, хлеб или сыр), а доставлять еду трибутам можно с помощью дронов. Определять качество и стоимость каждого продукта будет специальная группа экспертов. Спонсором сможет стать только гражданин Капитолия с хорошей репутацией и финансовыми возможностями, не имеющий непосредственного отношения к Играм. Это исключает распорядителей Игр, менторов, наблюдающих за трибутами миротворцев, а также ближайших родственников вышеупомянутых лиц. Тотализатором будет заниматься другая группа, которая создаст площадку для официальных ставок, займется подсчетом шансов и контролем выплат победителям. Доходы с обеих программ пойдут на покрытие расходов по Играм, и правительству, по сути, не придется тратить вообще.

Кориолан работал до самого рассвета пятницы. Когда в окно заглянули первые лучи солнца, он оделся в чистую школьную форму, сунул проект под мышку и тихонько вышел из апартаментов.

Доктор Галл занимала сразу несколько должностей, разделяя обязанности ученого, военного и преподавателя, и Кориолану пришлось поломать голову над тем, где же находится пре-

словутый стол, на котором она ожидает увидеть выполненное задание. Так как дело касалось Голодных игр, он решил отправиться в Военное министерство. Внушительное здание, известное как Цитадель, усиленно охранялось, и миротворцы внутрь его не пустили, но заверили, что положат задание прямо на стол доктору Галл. На лучшее Кориолан и не рассчитывал.

На обратном пути общественный экран, который в ранние часы показывал лишь герб Панема, ожил, и на нем замелькали события прошлого вечера. Снова и снова в эфире крутили, как трибуט перерезает горло Арахне, как Кориолан приходит ей на помощь и как пули прошивают убийцу насквозь. Картинки почему-то оставили Кориолана совершенно равнодушным, словно все эмоции вытекли из него во время короткого всплеска чувств в душе. Он с облегчением понял, что камеры зафиксировали лишь попытку ее спасти – именно тот момент, когда он выглядел смелым и ответственным. Если не присматриваться, то и не скажешь, в каком он смятении.

С особенным удовольствием он наблюдал, как при звуках выстрелов Ливия Кардью ринулась наутек. Как-то раз на уроке риторики она обвинила его в излишней заикливости на себе. Ирония заключалась в том, что Ливия обвинила его в том, что свойственно всем людям. Однако поступки говорят громче слов. Когда возникла опасность, Ливия бросилась к ближайшему выходу, а Кориолан – к Арахне!

Тигрис и Мадам-Бабушка немного оправились от шока, вызванного смертью Арахны, и объявили его национальным героем. Хотя от почетного звания Кориолан смущенно отмахнулся, в глубине души ему было приятно. Вместо положенной усталости он ощутил внезапный прилив сил, особенно после того, как узнал, что Академия решила не отменять очередных занятий. Конечно, роль домашнего героя имела свои преимущества, но ему захотелось на публику.

Позавтракав жареным картофелем и холодной пахтой, он направился в Академию со скорбной миной, приличествующей случаю. Кориолана негласно признали главным скорбящим, поскольку он считался другом Арахны и бросился ей на помощь. Со всех сторон посыпались соболезнования и похвалы его смелости. Кто-то даже предположил, что он заботился об Арахне как о родной сестре, и Кориолан не стал никого уверять в обратном. К мертвым нужно относиться с почтением.

Общешкольное собрание должен был возглавлять директор Хайботтом, но он так и не появился. Вместо него выступила Сатирия, расписав в самых ярких красках дерзость Арахны, ее прямолинейность и упрямство – в общем, те черты, которые бесили Кориолана и в конечном итоге привели к гибели девушки. Потом микрофон взяла профессор Серп и принялась расточать похвалы Кориолану (и в несколько меньшей степени – Фесту) за то, что они пришли на помощь павшему товарищу по оружию. Гиппократ Лант, школьный психолог, призвала всех, кто не в силах справиться с утратой, обращаться к ней в любое время, особенно если им захочется причинить вред себе или окружающим. Сатирия снова взяла слово и объявила: похороны Арахны состоятся на следующий день, все ученики обязаны присутствовать, чтобы почтить ее память. Церемонию прощания будут транслировать в прямом эфире на весь Панем; следует выглядеть соответственно и вести себя как подобает capitoлийской молодежи. После перерыва на обед занятия возобновятся.

Перекусив неаппетитным рыбным паштетом на тосте, менторы отправились на встречу с профессором Демиглосом. Тот первым делом раздал дополненный список с именами трибутов.

Дистрикт-1

Юноша (Фесит) – Ливия Кардью

Девушка (Велверин) – Пальмира Монти

Дистрикт-2

Юноша (Марк) – Сеян Плинт

Девушка (Сабина) – Флора Френд
Дистрикт-3
Юноша (Серк) – Ио Джаспер
Девушка (Тесли) – Урбан Канвилл
Дистрикт-4
Юноша (Мизен) – Персефона Прайс
Девушка (Коралл) – Фест Крид
Дистрикт-5
Юноша (Хай) – Денис Флинг
Девушка (Соль) – Ифигения Мосс
Дистрикт-6
Юноша (Отто) – Аполлон Ринг
Девушка (Джинни) – Диана Ринг
Дистрикт-7
Юноша (Трич) – Випсания Серп
Девушка (Ламина) – Плиний Харрингтон
Дистрикт-8
Юноша (Бобин) – Юнона Фиппс
Девушка (Воуви) – Иларий Хевенсби
Дистрикт-9
Юноша (Панло) – Гай Брин
Девушка (Шиф) – Андрокл Андерсон
Дистрикт-10
Юноша (Теннер) – Домиция Уимсвик
Девушка (Бренди) – Арахна Крейн
Дистрикт-11
Юноша (Рипер) – Клеменсия Давкоут
Девушка (Дилл) – Феликс Равинстилл
Дистрикт-12
Юноша (Джессап) – Лисистрата Викерс
Девушка (Люси Грей) – Кориолан Сноу

Кориолан вместе с остальными машинально вычеркнул девушку-трибута из Дистрикта-10. Но как быть с Арахной? Ведь она – совсем другое дело... Ручка замерла над ее именем. Ему не хватило духу так просто взять и вычеркнуть ее из своей жизни.

Минут через десять в класс принесли записку из школьной администрации: Кориолану и Клеменсии следовало немедленно покинуть занятие и явиться в Цитадель. Наверняка их вызывали в связи с групповым проектом; Кориолан одновременно обрадовался и занервничал. Понравилась ли его работа доктору Галл? Почему их вызывают так срочно?

Узнав, что Кориолан все-таки сдал вчерашнее задание, Клеменсия вспылила:

– Поверить не могу, что ты сидел и писал, пока тело Арахны еще не остыло! Лично я проплакала всю ночь. – Ее опухшие глаза это подтверждали.

– Думаешь, я смог бы уснуть? – возразил Кориолан. – После того, как она умерла у меня на руках? Если бы не задание, я бы точно сошел с ума.

– Ладно, понимаю, все справляются с горем по-разному... Я не хотела тебя обидеть! – Она вздохнула. – Просвети меня, что я там написала с тобой вместе.

Кориолан передал ей самую суть.

– Я всего лишь записал то, что мы обсуждали в классе.

– Ты хотя бы имя мое поставил?

– Подписывать я вообще не стал, ведь проект вроде как групповой. – Кориолан с досадой развел руками. – Честно, Клемми, я думал, что делаю тебе одолжение!

– Хорошо, хорошо, – смягчилась она. – Похоже, я у тебя в долгу. Жаль, не удалось прочитать... Прикроешь, если она закидает нас вопросами?

– Конечно, прикрою! В любом случае доктору Галл наверняка не понравится, – вздохнул Кориолан. – Хотя, на мой взгляд, там все логично, она руководствуется совершенно иным набором правил.

– Так и есть, – согласилась Клеменсия. – Как думаешь, Голодные игры теперь отменят?

– Без понятия. Сначала Арахна, потом похороны... Если Игры и будут, то, наверное, позже. Я знаю, тебе они не нравятся.

– А тебе? Они вообще хоть кому-нибудь нравятся?! – воскликнула Клеменсия.

– Возможно, трибутов просто отправят по домам. – Интересно, как на них отразится гибель Арахны? Вдруг всех накажут? Позволят ли ему увидеться с Люси Грей?

– Или сделают из них безгласых, – предположила Клеменсия. – Ужасно, конечно, но не так плохо, как арена. По-моему, лучше жить без языка, чем умереть!

– Вряд ли мой трибут с тобой согласилась бы, – заметил Кориолан. – Разве можно петь без языка?

– Не знаю. Разве что напевать... – Они подошли к воротам Цитадели. – В детстве я ужасно боялась этого места.

– Я и сейчас боюсь, – признался Кориолан, и Клеменсия рассмеялась.

На посту охраны им просканировали сетчатку и прогнали данные через базу жителей Капитолия. Сумки с учебниками пришлось оставить. Миротворец проводила гостей по длинному серому коридору к лифту, который перенес их вниз по крайней мере этажей на двадцать пять. Хотя Кориолан никогда не спускался так глубоко под землю, ему понравилось. Как бы он ни любил свой пентхаус, во время бомбежек он чувствовал себя там слишком уязвимым, здесь же был в полной безопасности.

Двери лифта открылись в огромный зал. Вдаль уходили длинные ряды лабораторных столов, приборов неизвестного назначения и стеклянных камер. Кориолан повернулся к охраннице, но она уже ушла, не дав им дальнейших инструкций.

– Пойдем? – спросила Клеменсия. – Ужасно боюсь что-нибудь разбить...

Они медленно прошли вдоль стеклянной стены со встроенными камерами. Внутри крохотных помещений находился целый зверинец: некоторых существ они узнали, некоторые мутировали до такой степени, что опознать их не представлялось возможным. Пленники тяжело дышали, бродили из угла в угол или с несчастным видом били крыльями. К стеклу прижимались громадные ласты, лапы и пасти с оскаленными клыками.

К ученикам вышел молодой человек в белом халате и провел их в секцию с рептилиями. Доктор Галл стояла перед террариумом, заполненным сотней змей, чья неестественно яркая кожа переливалась неоновым-розовым, желтым и синим. Змеи не длиннее линейки и не толще карандаша сплелись на дне клетки в плотный психоделический ковер.

– А, вот и вы, – усмехнулась доктор Галл. – Познакомьтесь с моими новыми детками.

– Привет, – сказал Кориолан, прижав нос к стеклу и разглядывая извивающуюся массу. Змейки что-то ему напоминали, но он никак не мог понять, что именно.

– В их окраске есть смысл? – спросила Клеменсия.

– Смысл есть во всем или же его нет вообще ни в чем, все зависит от точки зрения, – заметила доктор Галл. – Кстати о вашем задании. Мне оно понравилось. Писали только вы двое? Или ваша несносная подруга успела внести свой вклад, прежде чем ей перерезали горло?

Клеменсия сжала губы, лицо застыло.

– Мы обсуждали всем классом.

– Вчера Арахна хотела помочь нам с заданием, но потом... случилось то, что случилось, – добавил Кориолан.

– Значит, дописывали вы вдвоем? – уточнила доктор Галл.

– Именно, – кивнула Клеменсия. – Сначала мы посидели в библиотеке, потом я распечатала у себя дома и отдала листок Кориолану, чтобы он занес вам с утра. Все как вы велели.

Доктор Галл обратилась к Кориолану:

– Так и было?

Кориолан почувствовал, что его загнали в угол.

– Да, распечатку сегодня утром занес вам я. Точнее, оставил ее миротворцам на входе – внутрь меня не пустили, – выкрутился он. Непонятно, к чему эти вопросы? – Что-то не так?

– Просто хотела убедиться, что вы оба приложили руку к заданию, – сказала доктор Галл.

– Я могу показать конкретные места, которые мы обсуждали в группе, и пояснить, как они раскрыты в итоговом варианте, – предложил Кориолан.

– Да, будь так добр. У тебя есть копия?

Клеменсия посмотрела на Кориолана выжидательно.

– Нет, – ответил он, совершенно не в восторге от того, что Клеменсия перевела стрелки на него. Мало того, что вчера ее слишком трясло, чтобы хоть немного помочь ему с заданием, так еще она была одним из самых опасных для него претендентов на премию.

– У нас забрали сумки. – Клеменсия повернулась к доктору Галл. – Нельзя ли воспользоваться копией, которая есть у вас?

– Увы, мой помощник застелил ею вот эту самую клетку, пока я обедала, – ответила она со смехом.

Кориолан уставился на клубок извивающихся змей с высунутыми языками. И в самом деле, между ними виднелись листки со знакомыми словами.

– Почему бы вам не достать ее вдвоем? – предложила доктор Галл.

Похоже на проверку – странную проверку в духе доктора Галл. Наверно, она задумала ее заранее, только Кориолан никак не мог понять, в чем загвоздка. Он посмотрел на Клеменсию и попытался вспомнить, боится ли она змей. Сам он едва ли знал, страшно ему или нет. В школьной лаборатории змей не держали.

Клеменсия натянуто улыбнулась.

– Конечно. Нам нужно просто сунуть руку в специальное окошко?

Доктор Галл сняла крышку целиком.

– Так будет удобнее. Мистер Сноу, почему бы вам не начать?

Кориолан медленно опустил руку в теплый террариум.

– Двигайтесь потихоньку, не тревожьте их зря, – велела доктор Галл.

Он просунул пальцы под край листа и плавно вытащил его из-под змей. Они сползли в кучу, ничуть не встревожившись.

– По-моему, они вообще меня не заметили.

Клеменсия слегка позеленела.

– Ладно, моя очередь. – Она сунула руку в емкость.

– Видят они так себе, слышат и того хуже, – проговорила доктор Галл. – Тем не менее они знают, что ты там. Змеи способны чуют с помощью языка, а у этих переродков обоняние особенно развито.

Клеменсия подцепила лист ногтем и приподняла. Змеи зашевелились.

– Если запах им знаком, если у них есть с ним приятные ассоциации – теплый террариум, к примеру, – то они тебя проигнорируют. Другое дело – новый, чуждый запах, его они воспримут как угрозу, – сообщила доктор Галл. – И то, что случится, будет на твоей совести, малышка.

Кориолан начал складывать два и два, когда увидел на лице Клеменсии тревогу. Она поспешно отдернула руку, но было слишком поздно: с полдюжины неоновых змеек успели вонзить клыки в ее плоть.

Глава 8

Клеменсия душераздирающе завопила, яростно пытаясь стряхнуть с руки впившихся гадюк. Крошечные ранки от зубов сочились неоновым розовым, желтым и синим – в тон пестрой коже. По пальцам стекал разноцветный гной.

Прибежали люди в белых халатах. Двое прижали Клеменсию к полу, третий вонзил в нее устрашающего вида иглу и ввел какую-то черную жидкость. Губы девушки стали фиолетовыми, затем побледнели, и она потеряла сознание. Лаборанты уложили ее на носилки и унесли прочь.

Кориолан рванулся было следом, однако доктор Галл его остановила:

– Не так быстро, мистер Сноу. Вы мне еще нужны.

– Но я... она... – Кориолан запнулся. – Клеменсия умрет?

– Нам остается только гадать. – Доктор Галл опустила руку в террариум и провела скрюченными пальцами по своим питомцам. – Очевидно, на бумаге не осталось ее запаха. Значит, ты написал работу сам?

– Да. – Лгать не имело смысла. Из-за лжи Клеменсия, вероятно, погибла. Если имеешь дело с безумцем, следует вести себя крайне осторожно.

– Наконец-то правда. Лжецы мне ни к чему. Что такое ложь, как не попытка скрыть слабость? Еще раз увижу, что лжешь, – перестану тебя защищать. Если директор Хайботтом решит тебя наказать, стоять у него на пути я не буду. Все понял? – Она обернула вокруг руки розовую змейку, словно браслет, и залюбовалась ею.

– Конечно, – заверил Кориолан.

– Твое предложение мне понравилось. Хорошо продумано, просто в исполнении. Я собираюсь порекомендовать его своей команде для рассмотрения и последующего внедрения.

Кориолан коротко кивнул, боясь сказать лишнее в присутствии смертоносных существ, готовых убивать по ее приказу.

Доктор Галл рассмеялась.

– Ладно, ступай домой. Или навести свою подругу, если она еще жива. А меня сейчас ждут крекеры с молоком.

Кориолан бросился прочь, наткнулся на террариум с ящерицами и привел его обитателей в исступление. Он свернул не туда раз, другой и очутился в самой отвратительной части лаборатории, где в стеклянных клетках сидели человеческие существа, которым трансплантировали фрагменты тел животных. Гребни из перышек вокруг шей, звериные когти и даже щупальца вместо пальцев, жабы в груди... Его появление ошеломило уродцев, они умоляюще открыли рты, и Кориолан понял, что это безгласые. Их крики разносились странным эхом, и лишь подняв взгляд, он заметил сидевших над ними маленьких черных птиц. В памяти всплыло название – сойка-говорун. Короткий параграф в учебнике по генетике. Провальный эксперимент – птицы, обладавшие способностью запоминать и воспроизводить человеческую речь, которые использовались Капитолием, чтобы шпионить за повстанцами; потом те догадались и стали отправлять их обратно с ложной информацией. Теперь бесполезные существа создавали эхо в лаборатории, повторяя жалобные вопли безгласых.

Наконец Кориолана перехватила женщина в белом халате и в огромных розовых бифокальных очках, отругала за потревоженных птиц и проводила к лифту. Ожидая кабину, он заметил над собой камеру наблюдения и машинально принялся разглаживать смятый листок с заданием, который все еще сжимал в руках. На выходе миротворцы вернули обе сумки с учебниками и вывели его вон из Цитадели.

Кориолан успел дойти до угла и свернул на соседнюю улицу. Затем колени подогнулись, и он рухнул на тротуар. Солнце светило прямо в глаза, дыхание сбилось. Несмотря на бессонную ночь, в нем бурлил адреналин. Жива ли Клеменсия? Он еще не пришел в себя после смерти

Арахны, а теперь это. Совсем как в Голодных играх. Только вот они – не ребята из дистриктов. Капитолий вроде бы должен их защищать. Сеян заявил доктору Галл, что обязанность правительства – защищать всех, даже жителей дистриктов, однако его слова сложно увязать с тем, что совсем недавно они были врагами... Разумеется, для правительства на первом месте должен стоять сын Сноу, а не отребье из дистриктов! Ведь он вполне мог погибнуть, если бы предложение написала Клеменсия. Кориолан закрыл лицо руками. Он был сбит с толку, растерян и очень напуган. Он боялся доктора Галл. Он боялся Капитолия. Он боялся всего. Если люди, которые должны тебя защищать, легко и непринужденно играют твоей жизнью... Как же тогда уцелеть? Доверять им точно нельзя. А если не им, то кому? Играть втемную?

Кориолан вспомнил змеиные зубы, вонзившиеся в плоть. Неужели бедняжка Клемми погибла? Да еще такой ужасной смертью... И если да, то виноват ли он, позволив ей солгать? Если Клеменсия умрет, у него могут быть ужасные неприятности.

Кориолан предположил, что в экстренной ситуации пострадавшего отвезут в ближайшую больницу, и побежал туда. В прохладном вестибюле он огляделся, нашел нужный указатель и поспешил в приемный покой. Едва автоматические двери открылись, как он услышал вопли Клеменсии. По крайней мере, жива. Кориолан что-то пролепетал медсестре за стойкой. По счастью, той хватило здравого смысла, чтобы оценить состояние посетителя и заставить присесть прежде, чем приступ головокружения свалил его с ног. Наверное, выглядел он совсем ужасно, потому что медсестра вскоре принесла ему две пачки диетических хлебцев и стакан сладкого лимонада. Первый глоток Кориолан сделал с трудом, потом выпил напиток залпом, мечтая о добавке. От сахара ему немного полегчало, но не настолько, чтобы приняться за крекеры, и он убрал их в карман. Вскоре он более-менее взял себя в руки, и тут подошел лечащий врач Клеменсии и успокоил его. В больнице знают, как лечить жертв несчастных случаев в лаборатории. Поскольку антидот ввели сразу, у Клеменсии есть все шансы на выживание, хотя без неврологических повреждений не обойдется. Она полежит в больнице, пока ее состояние не нормализуется. Через несколько дней пациентку можно будет навестить.

Кориолан поблагодарил доктора, отдал ему сумку Клеменсии и согласился, что сейчас ему лучше пойти домой. На выходе он заметил обоих Давкоутов и спрятался в дверном проеме. Он не знал, что именно сообщили ее родителям, и не хотел с ними встречаться, пока не сочинит правдоподобную версию случившегося. Причем такую, где он не будет фигурировать в качестве виновника происшествия.

По той же причине он не мог вернуться ни в школу, ни домой. Тигрис до ужина занята, а Мадам-Бабушка наверняка придет в ужас. Как ни странно, единственным человеком, с которым ему сейчас хотелось говорить, была Люси Грей. Она одновременно и умна, и умеет держать язык за зубами.

У главного входа в зоопарк стояли два вооруженных до зубов миротворца, позади них слонялись еще солдаты. Сперва они лишь отмахнулись от парня, поскольку посетителей им велели не пускать. Тогда Кориолан разыграл карту ментора, и в нем узнали юношу, который пытался спасти Арахну. Этого хватило, чтобы убедить их сделать звонок начальству. Миротворец поговорил с самой доктором Галл, и до Кориолана отчетливо донеслось знакомое хихиканье, хотя стоял он в нескольких ярдах. Ему позволили ненадолго войти в сопровождении миротворца.

Дорожку к обезьяннику устилал мусор, оставшийся после бегущей толпы. Повсюду сновали крысы, одинаково радуясь остаткам гниющей еды и потерянным в панике туфлям. Хотя солнце стояло высоко, енотов это нисколько не смущало – они хватали лакомые кусочки своими ловкими лапками и жадно их поедали. Один зверек жевал мертвую крысу, предупреждая остальных, что от енотов следует держаться подальше.

– Совсем не тот зоопарк, который я помню, – вздохнул миротворец. – В клетках сидят дети, а мерзкие твари разгуливают на свободе.

Кое-где вдоль тропинки виднелись коробочки с белым порошком, спрятанные под валунами или в щелях возле стен. Кориолан вспомнил яд, который использовали в осажденном Капитолии, – в те времена еды было мало, крыс – много. Люди, особенно мертвые, стали для них постоянным источником пищи. Конечно, в худшие моменты люди тоже ели людей, так что вряд имело смысл ставить себя выше крыс.

– Это крысиный яд? – спросил он у миротворца.

– Да, отравка новая, только крысы слишком умны и к ней даже не подходят... Что ж, другой все равно нет.

Внутри вольера вновь закованные в кандалы трибуты сидели, прислонившись к задней стенке, или разбрелись среди искусственных скал, словно пытались стать как можно незаметнее.

– Ты должен сохранять дистанцию, – сказал миротворец. – Вряд ли твоя девушка опасна, но кто знает? Могут напасть другие трибуты. Держись подальше от решетки.

Кориолан кивнул и пошел к своему камню, только на этот раз садиться не стал. Угрозы со стороны трибутов он не чувствовал, просто не хотел давать директору Хайботтому лишний повод для наказания.

Сначала он нигде не мог отыскать Люси Грей, потом встретился взглядом с Джессапом. Тот сидел, прислонившись к стене, прижимая к шее тряпку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась платком Сноу. Джессап потряс кого-то рядом с собой, и Люси Грей резко села.

Похоже, она плохо понимала, что происходит. Заметив Кориолана, она протерла глаза и расчесала пальцами распущенные волосы. Поднявшись, потеряла равновесие и ухватилась за руку Джессапа, чтобы не упасть. На нетвердых ногах она двинулась к своему ментору, волоча по полу тяжелые цепи. Неужели на нее так подействовала жара? Или так сказалось убийство Арахны? Или это просто от голода? Поскольку Капитолий не кормил трибутов, Люси Грей не ела со вчерашнего дня, когда ее стошнило драгоценной едой, поданной зрителями, а также, наверно, хлебным пудингом и яблоком, которые достались ей с утра. И вот уже почти пять дней как она голодает, не считая сэндвича с мясным рулетом и сливы... Надо достать для нее какой-нибудь еды, даже если это будет всего лишь капустный суп.

Люси Грей перешла безводный ров, и Кориолан предостерегающе поднял руку.

– Прости, нам нельзя приближаться друг к другу.

Она остановилась, не дойдя до решетки.

– Странно, что тебя вообще сюда пустили.

В жарком полуденном солнце все казалось выжженным – ее горло, ее кожа, ее волосы. На руке чернел огромный синяк, которого не было прошлым вечером. Кто ее ударил? Другой трибут или миротворец?

– Извини, что разбудил, – сказал Кориолан.

Она пожала плечами.

– Не важно. Мы с Джессапом спим по очереди. Капитолийские крысы явно любят человечину.

– Крысы пытались вас съесть? – с негодованием воскликнул Кориолан.

– В первую же ночь какой-то пушистый зверек укусил Джессапа за шею. Было слишком темно, и он мало что разглядел. А прошлой ночью кто-то пробежал по моей ноге. – Люси Грей указала на коробочку с белым порошком возле решетки. – Эта штука ничуть не помогает.

Кориолан представил жуткую картину: над мертвой Люси Грей кишат крысы. Накатила волна отчаяния; ему стало страшно за нее, за себя – за них обоих.

– Ах, Люси Грей, мне так жаль! Прости меня за все!

– Ты не виноват.

– Должно быть, ты меня ненавидишь. На твоём месте я бы точно себя возненавидел!

– Вовсе нет. Голодные игры придумал не ты.

– Но я в них участвую! Я помогаю их проводить! – От стыда он опустил голову. – Я должен хотя бы попытаться уйти, как Сеян!

– Пожалуйста, не уходи! Не оставляй меня в одиночестве! – Люси Грей шагнула вперед и едва не лишилась чувств. Она успела ухватиться за прутья и соскользнула на землю.

Махнув рукой на предупреждение охраны, Кориолан перепрыгнул через камень и опустился рядом с ней по другую сторону решетки.

– Ты в порядке?

Ему хотелось рассказать ей про свой страх перед змеями, про то, как едва не погибла Клеменсия... он надеялся получить совет, однако его невзгоды не шли ни в какое сравнение с ее положением. Вспомнив про крекеры, которые дала медсестра, Кориолан порылся в кармане и достал две смятые пачки.

– Я кое-что тебе принес. Крекеров немного, зато они очень питательные.

Прозвучало это глупо. Какое ей дело до их питательности? Кориолан просто повторял то, что говорили ему учителя во время войны, когда одним из стимулов для посещения школы были бесплатные пайки, предоставляемые правительством. Жесткие безвкусные брикеты, запитые простой водой, для многих детей составляли весь дневной рацион. Он вспомнил, как маленькие костлявые ручки судорожно рвали упаковку, как отчаянно хрустели на зубах твердые хлебцы...

Люси Грей мигом разорвала обертку, сунула один из двух крекеров в рот и принялась жевать всухомятку. Она сглотнула с трудом, прижала руку к животу, вздохнула и съела второй уже медленнее. Еда вроде бы помогла ей сосредоточиться, и ее голос зазвучал спокойнее:

– Спасибо. Так-то лучше.

– Ешь остальное, – поторопил Кориолан, кивнув на вторую пачку.

Люси Грей покачала головой.

– Нет, оставляю Джессапу. Теперь он мой союзник.

– Твой союзник? – не поверил Кориолан. Разве могут быть союзники в Играх?

– Угу. Трибуты из Дистрикта-12 сложат свои головы вместе, – заявила Люси Грей. – Может, звезд с неба он не хватает, зато силен как бык.

Вряд ли два крекера – высокая цена за защиту Джессапа.

– Я раздобуду для тебя еще что-нибудь, как только смогу. Очевидно, зрителям разрешат посылать еду на арену.

– Хорошо бы. Больше еды – лучше для нас. – Люси Грей прислонилась лбом к решетке. – Тогда, наверное, спеть стоит, чтобы людям захотелось мне помочь.

– Спой на интервью, – предложил Кориолан. – Можешь снова выступить с песней про долину.

– Посмотрим. – Она задумчиво нахмурилась. – Нас покажут во всем Панеме или только в Капитолии?

– Думаю, во всем Панеме. Хотя из дистриктов ты ничего не получишь.

– И не надо. Дело не в этом. Пожалуй, я все-таки спою. Лучше бы под гитару или еще какой-нибудь аккомпанемент.

– Я попробую раздобыть. – У Сноу музыкальные инструменты не водились никогда. Не считая ежедневного гимна в исполнении Мадам-Бабушки и колыбельных матери, в жизни Кориолана было мало музыки, пока не появилась Люси Грей. Он редко слушал capitoлийское радио, по которому передавали в основном марши и пропагандистские песни. Для него они все звучали одинаково.

– Эй! – Миротворец помахал ему с дорожки. – Ты подошел слишком близко! Да и время вышло.

Кориолан встал.

– Мне лучше уйти, иначе потом не пустят.

– Конечно, ступай. Спасибо за крекеры и все остальное! – проговорила Люси Грей, схватившись за прутья.

Он просунул руку через решетку, помогая ей встать.

– Ерунда.

– Кому как, – заметила она. – Для меня очень важно, что есть люди, которым я небезразлична.

– Таких наверняка много, – предположил Кориолан.

– Знаешь, судя по всему, я не нужна никому. – Словно вспомнив о чем-то, Люси Грей посмотрела на небо.

– Ты нужна мне! – воскликнул Кориолан. Может, Капитолию до нее дела и нет, но только не ему. Разве иначе он стал бы с ней откровенничать?

– Мистер Сноу, пора идти! – окликнул миротворец.

– Ты нужна мне, Люси Грей, – повторил Кориолан.

– Послушай, парень, не заставляй меня докладывать о тебе начальству, – повысил голос миротворец.

– Мне пора идти. – Кориолан двинулся прочь.

– Эй! – настойчиво позвала Люси Грей. Он обернулся. – Хочу, чтобы ты знал: я не верю, будто ты здесь из-за оценок или славы. Ты – редкая птица, Кориолан.

– Ты тоже.

Люси Грей склонила голову в знак согласия и пошла к Джессапу, волоча за собой цепи по грязной соломе и крысиному помету. Вернувшись к своему союзнику, она легла и свернулась в комочек, словно короткая встреча с ментором очень ее утомила.

Покидая зоопарк, Кориолан дважды споткнулся и понял, что слишком устал и вряд ли в силах придумать хорошую версию случившегося. Было уже достаточно поздно, и его возвращение домой не потребовало бы лишних объяснений, поэтому он направился к апартаментам Сноу. По пути он имел несчастье столкнуться с Персефой Прайс, дочерью печально известного Нерона Прайса, который однажды съел горничную. В итоге они пошли вместе, поскольку жили рядом. Персефоне выпало быть ментором Мизена – крепкого мальчика тринадцати лет из Дистрикта-4, и она тоже присутствовала в классе, когда их с Клеменсией вызвали в Цитадель. Кориолан боялся лишних вопросов, однако она слишком переживала из-за гибели Арахны и ни о чем другом говорить не могла. Обычно он старался избегать Персефоны, потому что так и не перестал гадать, знала ли она, чьим мясом питалась в годы осады... Раньше он ее страшился, теперь же Персефона вызывала у него лишь отвращение, сколько бы он ни твердил себе о ее невиновности. Задорные ямочки, зелено-карие глаза – пожалуй, самая красивая девушка в классе, за исключением, разве что, Клеменсии... ну, то есть до того, как Клеменсию покусали змеи. Однако при мысли о том, чтобы ее поцеловать, Кориолана мутило. Вот и сейчас, когда она со слезами на глазах обняла его на прощание, он содрогнулся, представив отрезанную ногу.

Кориолан медленно поднимался по лестнице на двенадцатый этаж, вспоминая бедную горничную, умершую от голода прямо на улице. Сколько продержится Люси Грей? Она угадала слишком быстро. Слабая и растерянная. Избитая и сломленная. Наверно, завтра ей уже не суждено подняться. Если он не придумает, как ее накормить, девушка умрет прежде, чем начнутся Голодные игры.

Глава 9

Мадам-Бабушка немедленно отправила внука вздремнуть перед ужином. Кориолан рухнул в кровать – а в следующий миг Тигрис уже трясла его за плечо. На прикроватной тумбочке стоял поднос с ароматной лапшой. Иногда мясник отдавал ей оставшиеся после разделки куриные остовы, и из них получались замечательные супы.

– Корио, – начала Тигрис, – Сатирия звонила трижды, у меня уже закончились отговорки. Поешь супчика и перезвони ей.

– Она спрашивала про Клеменсию? Кто-нибудь про нее знает?

– Про Клеменсию Давкоут? Нет. А что случилось? – спросила Тигрис.

– Это было ужасно! – Кориолан рассказал кухне о случившемся во всех чудовищных подробностях.

Тигрис побледнела.

– Доктор Галл натравила на нее змей из-за такой маленькой невинной лжи?

– Да. И ей все равно, выживет Клеменсия или нет! Она просто взяла и выгнала меня, а сама пошла полдничать.

– Либо она садистка, либо сумасшедшая, – заметила Тигрис. – Почему бы тебе не доложить об этом кому следует?

– Кому? Доктор Галл – Главный распорядитель Игр и подчиняется только президенту. Она скажет, что сами виноваты, ведь мы соврали.

Тигрис задумалась.

– Ладно, не докладывай. И не спорь с ней. Просто постарайся ее избегать.

– Это будет сложно, учитывая, что я – ментор. Она регулярно появляется в Академии, чтобы поиграть с кроликом-переродком и засыпать нас дурацкими вопросами. Одно ее слово – и я лишусь премии. – Кориолан вздохнул и потер лицо руками. – Арахна мертва, Клеменсия отравлена, Люси Грей... Люси Грей в ужасном состоянии! Сомневаюсь, что она дотянет до Игр, хотя, может, оно и к лучшему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.